ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

Годъ 4-й. Воскресенье, 16 января 1927 года. **№ 3.**

Положеніе Церкви въ Государствѣ.

Азбучной истиной является утвержденіе, что худшимъ положеніемъ бываетъ неопредѣленность. Неопредѣленность создаетъ неувѣренность, неясность, способствуетъ произволу и другимъ проявленіямъ злой воли, парализуетъ осмысленныя цѣлевыя дѣйствія, убиваетъ инициативу и т. д. Увы, это печальное состояніе неопредѣленности и неустойчивости уже въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ переживаетъ наша Православная Церковь въ Польшѣ. Ея существованіе и дѣятельность въ значительной мѣрѣ опредѣляются лишь нормами какого-то своеобразнаго обычнаго права, выработаннаго случайно, иной разъ путемъ довольно продолжительной разнотипной практики, другой разъ — вслѣдствіе совершенно случайныхъ и непредвидѣнныхъ обстоятельствъ. Подобное положеніе и его неудобства и тягости должны были вызвать попытки искать выхода, и, конечно, главнымъ средствомъ къ устраненію названныхъ недостатковъ было признано всѣми изданіе и принятіе опредѣленныхъ правовыхъ нормъ, устраняющихъ указанную неопредѣленность. Необходимость ихъ изданія признана рѣшительно всѣми, кто хоть сколько нибудь заинтересованъ въ такомъ или иномъ урегулированіи положенія Православной Церкви. Къ сожалѣнію, отъ признанія наличія необходимости до факта проведенія въ жизнь вызванныхъ этимъ признаніемъ мѣропріятій оказалось весьма и весьма далеко.

Непригодность и недостаточность „Временныхъ Правилъ", регулирующихъ до сихъ поръ область отношеній между Государствомъ и Православной Церковью, выяснилась весьма скоро послѣ ихъ изданія и была признана всѣми. Особенно очевидными эти недостатки стали послѣ провозглашенія Автокефаліи Православной Церкви, когда создалось наличіе всѣхъ необходимыхъ внутреннихъ предпосылокъ для нормированія взаимоотношеній между суверeннымъ Государствомъ и самостоятельной Церковью. Не взирая однако на наличіе указанныхъ условій, появленіе которыхъ никоимъ образомъ не было неожиданностью, вопросъ объ урегулированіи государственно-правового положенія Православной Церкви не сразу былъ поставленъ на очередь, несмотря на то, что еще до провозглашенія автокефаліи, Высшая Церковная Власть указывала на необходимость этого.

Лишь въ концѣ 1925 г., т. е. послѣ окончанія всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ заключеніемъ Конкордата съ Ватиканомъ, тогдашній Министръ Исповѣданій и Народнаго Просвѣщенія С. Грабскій предпринялъ шаги къ достиженію соглашенія съ Высшей Церковной Властью по вопросу объ изданіи въ той или иной формѣ соотвѣтствующихъ правилъ, содержаніе коихъ было бы результатомъ извѣстнаго компромисса между интересами Церкви и Государства. Весьма интенсивные переговоры и подготовительныя работы по выработкѣ и переработкѣ разнообразныхъ проектовъ продолжались нѣсколько мѣсяцевъ и привели къ тому, что путемъ взаимныхъ уступокъ удалось достигнуть соглашенія по ряду принципіальныхъ вопросовъ. Къ моменту перерыва переговоровъ разногласія сводились къ возраженіямъ, выдвинутымъ Высокопреосвященнымъ Митрополитомъ Діонисіемъ по 4-мъ пунктамъ, а именно: по вопросамъ о признаніи Государствомъ имущественныхъ правъ Церкви объ ограниченіи предѣловъ усмотрѣнія и устраненіи произвола административныхъ властей въ отношеніи Церкви и ея представителей, о матеріальномъ обезпеченіи Церкви, духовенства и церковныхъ учрежденій и, наконецъ, о правахъ гражданства церковно — и — священнослужителей. По всѣмъ указаннымъ вопросамъ соглашенія достигнуть не удалось и майскій политическій переворотъ, вызвавшій столь коренныя измѣненія въ ходѣ и направленіи всей внутренней жизни Польши, отразился на дѣлѣ подготовки внѣшняго Статута Православной Церкви прежде всего такимъ образомъ, что представители Правительственной Власти, занятые другими неотложными для нихъ задачами, надолго оставили въ сторонѣ вопросъ о нормированіи взаимоотношеній между Государствомъ и Православной Церковью.

Спустя нѣкоторое время, этотъ вопросъ былъ снова поставленъ на очередь и на этотъ разъ опять таки представителями Высшей Церковной Власти. Св. Синодъ въ засѣданіи 1 іюля 1926 г. разсмотрѣлъ предмайскую редакцію проекта Статута, внесъ въ нее рядъ измѣненій и поправокъ, стремящихся къ тому, чтобы, при удовлетвореніи самыхъ жизненныхъ потребностей Православной Церкви, до крайней возможности идти навстрѣчу интересамъ Польской Государственности, и постановилъ представить этотъ проектъ Правительству. Это представленіе состоялось въ началѣ іюля того же 1926 г., и съ тѣхъ поръ неоднократно возобновлялись запросы и предложенія Высшей Церковной Власти относительно выясненія отношенія Правительства къ синодальному проекту Статута. Однако, по причинамъ не совсѣмъ для насъ яснымъ и о которыхъ мы, поэтому, не считаемъ возможнымъ здѣсь распространяться, представители Правительства не отрицая принципіально важности и необходимости выработки и изданія соотвѣтствующаго закона, уклонились отъ предпринятія конкретныхъ шаговъ въ этомъ направленіи.

Между тѣмъ настоятельная нужда въ появленіи указаннаго акта не ослаблялась, а наоборотъ все болѣе возрастала. Въ виду предпринятыхъ и намѣчающихся важныхъ соціальныхъ реформъ, въ виду начавшагося проведенія въ жизнь

Конкордата съ Римско-Католической Церковью, въ виду наконецъ обостренія ряда важныхъ и сложныхъ вопросовъ во внутренней жизни Православной Церкви въ Польшѣ, правильному и цѣлесообразному разрѣшенію которыхъ въ значительной мѣрѣ препятствуетъ отсутствіе твердыхъ нормъ, разграничивающихъ компетенцію свѣтской и церковной власти въ дѣлѣ церковнаго строительства, усилилась необходимость изданія подобнаго Статута, который могъ бы составить опредѣленныя и точныя рамки для здороваго развитія церковной жизни, построенной на канонических началахъ. Сознавалъ эту необходимость въ полной мѣрѣ и Св. Синодъ, приступая въ выработкѣ своего проекта, и содержаніе его, какъ, въ настоящее время, единственнаго проекта указаннаго Статута, представляетъ, поэтому, крупный интересъ для всѣхъ членовъ нашей Православной Церкви. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что ближайшее ознакомленіе съ проектомъ, къ чему сейчасъ предприняты соотвѣтствующія мѣры со стороны Высшей Церковной Власти, убѣдятъ всѣхъ, что настоящій проектъ является самымъ удовлетворительнымъ выходомъ изъ того положенія, въ которомъ сейчасъ находится Православная Церковь въ Польшѣ.

Переходя къ содержанію сего проекта, мы должны указать, что онъ охватываетъ всѣ стороны жизни Православной Церкви и всѣ области ея отношеній къ Государству и его представителямъ. Статья 1-я проекта, подтверждая внѣшнюю независимость Церкви, говоритъ равнымъ образомъ и объ ея внутри-государственной самостоятельности, гарантируя Церковнымъ Властямъ безпрепятственныя сношенія съ духовенствомъ и членами Церкви, а также обезпечивая Церкви права юридическаго лица. Эта же статья гарантируетъ Церкви свободу внутренняго самоуправленія, а ст. 2-я говоритъ о правахъ Главы Церкви — Митрополита и, въ числѣ прочихъ, оговариваетъ его право непосредственно сноситься съ Вселенскимъ Патріархомъ и Главами другихъ Автокефальныхъ Церквей. Дальнѣйшія статьи говорятъ о положеніи Іерархіи Православной Церкви въ Польшѣ, объ организаціи въ внѣшнемъ смыслѣ Епархій и о матеріальномъ обезпеченіи Епископскихъ Кафедръ, каковое предусматривается въ размѣрѣ 180 гектаровъ земли на каждую Кафедру (Ст. 7-я). Статьи 9-я и дальнѣйшія до 13-й говорятъ объ управленіи Епархіей, т. е. о Духовныхъ Консисторіяхъ, о Канцеляріи Св. Синода, причемъ служащимъ всѣхъ канцелярій гарантируются права государственной службы. Слѣдующія статьи говорятъ о дѣленіи Епархій на Благочинія и Приходы и о замѣщеніи должностей Благочинныхъ и Настоятелей приходовъ, причемъ права вмѣшательства представителей Государственной Власти въ эту область ограничиваются до необходимыхъ предѣловъ. За настоятелями приходовъ сохраняются функціи чиновниковъ гражданскаго состоянія (Ст. 13-я). Ст. 14-я говоритъ объ организаціи Монастырей. Весьма важны ст. 15-я и 16-я, которыя редактированы примѣнительно къ соотвѣтствующимъ статьямъ Конкордата, заключеннаго Польской Республикой съ Ватиканомъ, и говорятъ о правахъ и привиллегіяхъ духовнаго сословія и духовныхъ лицъ, причемъ между прочимъ оговаривается, что отсутствіе польскаго гражданства не можетъ быть причиной устраненія духовнаго лица отъ должности, которую оно занимаетъ. Ст. 17-я говоритъ о духовномъ образованіи среднемъ и высшемъ за счетъ Государства, а ст. 18-я — о Церковныхъ Братствахъ. Дальнѣйшія статьи 19 и 20-я предвидятъ участіе церковно-общественнаго элемента, въ лицѣ мірянъ, въ управленіи дѣлами Церкви, въ формѣ Благочинническихъ, Епархіальныхъ и Митрополитальнаго съѣздовъ съ участіемъ мірянъ и въ формѣ созданія при каждой Церкви Приходскаго Попечительства съ Церковнымъ Старостой во главѣ. Ст. 21-я гарантируетъ преподаваніе въ учебныхъ заведеніяхъ Закона Божія дѣтямъ православнаго исповѣданія на материнскомъ языкѣ; 22-я статья говоритъ о правахъ государственнаго языка въ церковныхъ учрежденіяхъ.

Послѣдующія статьи говорятъ о матеріальныхъ правахъ духовенства и Церкви. Ст. 23-я нормируетъ вопросъ о платахъ за требы, за исполненіе функцій чиновниковъ гражданскаго состоянія и о приходскихъ сборахъ. Ст. 24-я предусматриваетъ надѣленіе каждаго прихода землей въ размѣрѣ 30 гектаровъ штатнаго и 10 гект. филіальнаго, всего для 1000 штатныхъ и 350 филіальныхъ приходовъ 33500 гектаровъ; равнымъ образомъ обезпечиваются землею и монастыри въ общемъ размѣрѣ 2360 гект. Сверхъ того, приходское духовенство обезпечивается денежнымъ жалованьемъ въ размѣрахъ, установленныхъ по Конкордату для духовенства римско-католическаго. Послѣдующія статьи 25-я, 26-я и 27-я говорятъ о закрѣпленіи за Православной Церковью, какъ юридическимъ лицомъ, титуловъ права собственности на ея недвижимое имущество. Наконецъ, ст. 28-я ликвидируетъ разногласія, существующія до сихъ поръ между Государствомъ и Церковью по вопросу о земельныхъ владѣніяхъ Церкви, передавая (какъ это дѣлаетъ и Конкордатъ) излишки, сверхъ указанныхъ выше нормъ, для осуществленія земельной реформы въ распоряженіе Государства, взамѣнъ за что Государство гарантируетъ Церкви выдачу по ежегодному государственному бюджету денежной суммы въ размѣрѣ 3.370.337 злотыхъ для удовлетворенія матеріальныхъ нуждъ Церкви. Особое приложеніе нормируетъ распредѣленіе указанной суммы по различнымъ статьямъ, составляющимъ нужды и потребности Православной Церкви въ Польшѣ.

MEMENTO MORI.

Снѣгъ пушистыми хлопьями съ неба летитъ,
Устилая и крыши, и землю,
А въ груди моей сердце тревожно стучитъ,
И я жутко тревогѣ той внемлю.
Промелькнула весна, за ней лѣто прошло,
Незамѣтно и осень подкралась...
Чѣмъ полна была жизнь, время все унесло,
Мнѣ тяжелая старость осталась.
Ужъ какъ снѣгомъ сѣдиной мой волосъ блеститъ,
Силы падаютъ, тупится зрѣнье,
И къ прошедшему мысль съ тихой грустью летитъ,
Вызывая на мигъ оживленье.
Рядъ картинъ дорогихъ о далекомъ быломъ
Вдругъ встаютъ и бѣгутъ торопливо,
И зовутъ, и манятъ... И на сердцѣ больномъ
Станетъ пуще еще сиротливо.
А снѣжинки летятъ, тихо падая вдругъ,
И на стеклахъ оконъ своихъ таютъ,
И слезистою струйкой, какъ преданный другъ,
Въ путь далекій меня провожаютъ.
Но Ты, Господи Боже, Подателю силъ,
Поддержи, укрѣпи мою старость,
Чтобъ я могъ до конца той дорогой идти,
Что даетъ душѣ счастье и радость.

Священникъ **Н. Крейдичъ.**

Апологія личности Христа.*)

1. Подлинность и достовѣрность Евангелій.

„Евангелія наши такъ твердо основаны, что даже еретики свидѣтельствуютъ за нихъ, и каждый изъ нихъ выходитъ изъ Евангелій, стараясь утвердить ими свое ученіе“

(*Св. Ириней Ліонскій.*).

Какъ всѣмъ извѣстно, самое полное и подробное описаніе жизни Іисуса Христа даютъ намъ евангелисты: Матѳей, Маркъ, Лука и Іоаннъ. Отъ нихъ мы узнаемъ біографію Іисуса, они свидѣтельствуютъ о Его жизни, ученіи, крестной смерти и о побѣдномъ воскресеніи. Хотя, какъ мы ниже увидимъ, кромѣ евангелистовъ о Христѣ говорятъ и другіе писатели, но свѣдѣнія, сообщаемыя послѣдними, слишкомъ скудны и отрывочны, чтобы можно было на ихъ данныхъ составить полное представленіе объ образѣ Іисуса изъ Назарета.

Поскольку Евангелія представляютъ собой единственные документы, дающіе намъ систематическое описаніе жизни и ученія Спасителя, постолько для уясненія личности Христа чрезвычайно важно установить, во-первыхъ, подлинность Евангелій, т. е. выяснить, были ли они написаны очевидцами жизни Христа, во-вторыхъ, какова степень достовѣрности тѣхъ фактовъ исторіи Іисуса, о которыхъ свидѣтельствуютъ евангелисты, и, наконецъ, въ-третьихъ, — дошли ли Евангелія до насъ въ неповрежденномъ видѣ, т. е. можемъ ли мы утверждать, что тѣ свѣдѣнія, какія у насъ имѣются о Христѣ, даны намъ Его современниками.

До 17 столѣтія въ подлинности и достовѣрности Евангельскихъ повѣствованій никто не сомнѣвался или, по крайней мѣрѣ, боялся открыто выражать свои сомнѣнія. Но вотъ наступилъ вѣкъ т. н. „просвѣтительной философіи“. Вначалѣ представители раціонализма критиковали только Ветхій Завѣтъ, но потомъ въ лицѣ извѣстнаго философа *Спинозы* („Теолого-политическій трактатъ“ 1670 г.) взялись и за Новый. Мы не будемъ останавливаться на характеристикѣ каждой раціоналистической школы въ отдѣльности, но отмѣтимъ лишь общее положеніе всѣхъ направленій касательно личности Христа. Въ глазахъ раціонализма Христосъ былъ выдающійся человѣкъ, геній, котораго никто не превзошелъ и врядъ-ли превзойдетъ. Но это былъ все же обыкновенный, смертный человѣкъ. Онъ выдѣляется своими достоинствами, но по своей природѣ Онъ былъ подобенъ намъ всѣмъ. Будучи простымъ человѣкомъ, Онъ чудесъ не творилъ, не воскресъ и не вознесся на небо. Однимъ словомъ, Божественную природу раціоналисты въ Христѣ отрицали, ибо разумъ человѣческій тайну Боговоплощенія познать не въ состояніи. Исходя изъ такой предпосылки, раціоналисты отвергали достовѣрность излагаемыхъ въ Евангеліяхъ сверхъестественныхъ событій и, чтобы обосновать этотъ взглядъ, они старались доказать, будто Евангелія были написаны значительно позднѣе, что облегчало разукрасить исторію Іисуса цѣлымъ рядомъ легендъ о будто бы чудесномъ Его рожденіи, чудесахъ и воскресеніи.

Завершеніемъ и вѣнцомъ раціоналистической критики Св. Писанія являются взгляды т. наз. богословской миѳологической школы. Съ точки зрѣнія послѣдней Евангелія вовсе не являются историческимъ очеркомъ, это не правдивое описаніе фактовъ, дѣйствительно имѣвшихъ мѣсто въ исторіи, но — продуктъ вѣковыхъ наслоеній, безчисленныхъ вставокъ, поправокъ и т. п. искаженій первоначальнаго текста, представляющій сборникъ миѳовъ, но не историческій разсказъ.

Первоначальный текстъ, якобы, совершенно затушевался и возстановить его въ его первоначальной чистотѣ невозможно, хотя можно съ извѣстной приближенностью очистить Евангелія отъ позднѣйшихъ наслоеній. Приступая къ этой „чисткѣ“, представители миѳологическаго направленія орудуютъ довольно „страннымъ“ методомъ. Они выбираютъ совершенно произвольно тѣ тексты Св. Писанія, которые какъ будто подтверждаютъ ихъ тенденціозные взгляды, все же остальное, что противорѣчитъ ихъ догмѣ, они отбрасываютъ, какъ „позднѣйшія искаженія“.

Миѳологическому направленію противостоитъ историческая школа (*Фарраръ*, *Гарнакъ*, *Дидонъ*, *Папини* и мн. др.), которая признаетъ историческую достовѣрность Евангелій.

Посмотримъ же, чей взглядъ на Евангелія болѣе обоснованъ, и на чью сторону долженъ стать безпристрастный изслѣдователь.

Было время, когда раціоналистическая критика отбросила время составленія Евангелія къ второму и даже третьему вѣку. Однако это время безслѣдно прошло. Тщательное историческое изслѣдованіе доказало, что Евангелія были написаны во второй половинѣ и въ концѣ перваго столѣтія. Цѣлый рядъ историческихъ данныхъ, какъ-то свидѣтельства писателей и историковъ первыхъ двухъ столѣтій нашей эры, доказываютъ, что уже тогда Евангелія были знакомы христіанскимъ общинамъ.

Въ концѣ перваго вѣка объ Евангеліяхъ упоминаютъ апостолъ *Варнава* 1) и *Климентъ Римскій*. Въ началѣ и въ первой половинѣ второго вѣка о Евангеліяхъ говорятъ: *Игнатій Богоносецъ*, *Поликарпъ Смирнскій* 2), *Дидахи* (т. е. Ученіе 12 Апостоловъ), *Пастырь Ерма*, *Іустинъ Философъ* 3), *Папій Іерапольскій*. Затѣмъ во второмъ вѣкѣ и въ началѣ третьяго мы имѣемъ свидѣтельства *Татіана*, *Иринея Ліонскаго*, *Оригена*, *Климента Александрійскаго*, *Тертулліана* и мн. другихъ.

Историческая достовѣрность Евангелій стояла такъ высоко, что на нихъ ссылаются апокрифы (первоевангеліе Іакова, акты Пилата, евангеліе Ѳомы и др.). Изъ еретиковъ подлинность Евангелій признавалъ, напр., злѣйшій врагъ христіанства *Цельсъ*, а также эвіониты и гностики.

Но кромѣ свидѣтельствъ современниковъ имѣется еще цѣлый рядъ доказательствъ того, что Евангелія были написаны въ первомъ вѣкѣ, а именно: знаніе мѣстности, языкъ, стиль, масса мелочей, разсыпанныхъ на всемъ протяженіи еванге-

*) См. „Воскресное Чтеніе“ № 1.

1) У него встрѣчается слѣд. фраза: „*Какъ написано*: мнози званы, мало же избраны“ (Мѳ. 20. 16), критика стремилась доказать, что слова „какъ написано“ были вставлены латинскимъ переводчикомъ, но она не приняла во вниманіе, что эти слова имѣются и въ Синайскомъ кодексѣ, написанномъ на греческомъ языкѣ!

2) Поликарпъ упоминаетъ о первомъ посланіи Іоанна, но по общепризнанному взгляду авторъ четвертаго Евангелія и даннаго посланія одинъ и тотъ же.

3) „Въ день солнца (воскресенье) вѣрующіе сходятся вмѣстѣ и читаютъ достопамятности Апостоловъ, называемыя Евангеліями“

лій(особенно синоптическихъ)—мелочей, которыя могъ бы подмѣтить только очевидецъ событій. Не нужно забывать, что въ силу политическихъ пертурбацій Палестина съ начала второго вѣка сдѣлалась совершенно неузнаваемой. По словамъ *Тирша*: „Безспорно, что греческій языкъ могъ примѣниться къ столь странному и тяжелому синтаксису въ отношеніи словъ и еврейскихъ оборотовъ не иначе, какъ въ то время, когда христіанство было заключено еще въ своей Палестинской колыбели. Но въ началѣ второго вѣка это было уже невозможно, греческій и римскій элементы скоро сдѣлались господствующими въ Церкви. Чтобы измѣрить значеніе этого переворота, стоитъ только сравнить въ отношеніи стиля сочиненія Поликарпа и Игнатія съ нашими первыми евангеліями“ 1).

Все это говоритъ, что Евангелія — произведенія перваго, т. наз. апостольскаго вѣка. Критика утверждаетъ, что поскольку до насъ не дошли подлинники Евангелій мы не можемъ считать, что они написаны въ первомъ столѣтіи. Дѣйствительно, самый древній евангельскій сборникъ, а именно Синайскій кодексъ относится къ серединѣ IV столѣтія, т. е. у насъ имѣется перерывъ прибл. въ 250 лѣтъ со времени написанія четвертаго Евангелія. Значитъ ли однако, что мы потому не можемъ относить время написанія Евангелій къ первому столѣтію? Вѣдь для греческихъ и латинскихъ писателей критика не ставитъ этого ограниченія, а между тѣмъ тамъ перерывы часто значительно больше, напр., для сочиненій *Тацита* имѣется перерывъ въ 750 лѣтъ, для *Горація* 900 лѣтъ, а для *Эсхила* около 1500 лѣтъ и т. д. И однако же никто не сомнѣвается въ подлинности этихъ сочиненій. По совершенно справедливому замѣчанію *Лессинга*: „Если мы такъ свободно и благородно обходимся съ Ливіемъ, Діонисіемъ, Полибіемъ и Тацитомъ и не подвергаемъ ихъ пыткѣ за каждую букву, то почему мы не поступаемъ такъ въ отношеніи Матѳея, Марка, Луки и Іоанна“ 2).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что все говоритъ за то, что Евангелія—произведенія перваго вѣка; безпристрастный изслѣдователь не можетъ не согласиться, что нужно имѣть ужъ очень предвзятыя идеи, чтобы не убѣдиться въ томъ, что мы имѣемъ дѣло не съ поддѣльными, сфабрикованными значительно позднѣе, документами, но — съ свидѣтельствами современниковъ въ лицѣ апостоловъ—евангелистовъ.

Всѣ эти неопровержимыя свидѣтельства привели къ тому, что наука послѣ тщательнаго историческаго изслѣдованія, одно время отдалившая время составленія Евангелій ко второму, третьему вѣку, вернула ихъ обратно. Научное изслѣдованіе подтвердило церковное преданіе. Знаменитый изслѣдователь проф. *Гарнакъ* пишетъ въ своей „Хронологіи древней христ. литературы“ слѣд.: „Результаты моихъ изслѣдованій идутъ въ реакціонномъ направленіи. Я не колеблюсь употреблять терминъ регрессъ, ибо вещи нужно называть ихъ именемъ... Изслѣдуя источники древнѣйшаго христіанства, *мы возвращаемся къ традиціи*“.

Проф. *Свѣтловъ* даетъ слѣдующія данныя изслѣдователей о времени написанія Евангелій 3).

	Матѳей	Маркъ	Лука	Іоаннъ
Гарнакъ	70—75 г.г.	65—70	78—93	80—110
Ренанъ	84	76	94	125
Гольцманъ	67	68	70—100	100—133
Вейссъ	70	69	80	95
Юлихеръ	81—96	70—100	80—120	не позже 100
Цангъ	62—85	64	75	90—100
Шмидель	90	80	100—110	до 140
Рейпольдъ	ок. 70	до 70	70—80	до 100

Мы видимъ, что изслѣдованія ученыхъ, которыхъ отнюдь нельзя обвинить въ какихъ либо симпатіяхъ къ церковной традиціи, очень мало отличаются отъ ученія Церкви, согласно которому синоптическія Евангелія были написаны во второй половинѣ перваго вѣка, а Евангеліе отъ Іоанна на рубежѣ перваго и второго столѣтія нашей эры.

Передъ нами на очереди стоитъ теперь второй вопросъ: можно ли вѣрить тому, что писали евангелисты, передавали ли они истину или же ихъ можно заподозрить въ обманѣ?

Достаточно ознакомиться съ Евангеліями, чтобы признаться въ томъ, что каждая строка, больше того, каждое слово въ повѣствованіяхъ евангелистовъ дышитъ правдой. Простота изложенія, правдивость и безыскусственность повѣствованія лучше какихъ бы то ни было доказательствъ говорятъ о томъ, что цѣлью авторовъ было передать только правду. Можно, конечно, предполагать, что объективно евангелисты ошибались 1), описывая, напр., чудеса, что у нихъ, какъ это старались доказать *Шлейермахеръ*, *Ренанъ* и др., были „частыя галлюцинаціи“, „видѣнія“ и т. п., которыя они принимали за дѣйствительность, но трудно не согласиться съ тѣмъ, что апостолы въ глубинѣ своей души были твердо убѣждены, что описываемое ими чистѣйшая правда. На всемъ Евангеліи отъ перваго до послѣдняго слова лежитъ печать правдивости, искренности, чистосердечія. Здѣсь тѣни нѣтъ лукавства, какихъ бы то ни было ухищреній, хитросплетеній или искусственныхъ подтасовокъ.

Стремленіе передать только истину было у евангелистовъ такъ сильно, что этому благородному чувству въ жертву приносилось личное самолюбіе, тщеславіе, гордость и проч. недостатки авторовъ Евангелій и ихъ друзей. Дѣйствительно, какъ обрисованы апостолы въ Евангеліяхъ? Это люди малодушные, трусливые, мелочные, тщеславные—люди, съ трудомъ усваивающіе ученіе Христа, не могущіе отрѣшиться отъ матеріальныхъ заботъ ради служенія истинѣ. Ужъ если бы авторы Евангелій хотѣли что нибудь скрывать или передавать только то, что имъ было выгодно, то они, конечно, первымъ долгомъ умолчали бы о своихъ недостаткахъ и старались бы обѣлить себя въ глазахъ своихъ послѣдователей. Тотъ фактъ, что они этого не дѣлаютъ, самъ по себѣ говоритъ, что цѣлью написанія Евангелій было передать человѣчеству только истину, какъ бы эта истина ни была невыгодна для авторовъ.

Разсказъ объ уничиженіи Спасителя и о Его крестной смерти тоже въ сущности былъ не на руку апостоламъ. Не нужно забывать, что еврейскій народъ хотѣлъ видѣть въ Мессіи грознаго владыку, дѣйствующаго огнемъ и мечомъ, освобождающаго избранный народъ отъ чужеземнаго

1) Цит. у *Геттэ*. Ренанъ передъ судомъ науки. Стр. 426.

2) См. у *Ците*. Земная жизнь Іисуса Христа. Пред. XXVI стр.

3) *Свѣтловъ*. Христ. вѣроуч. въ апол. изложеніи, т. II, стр. 472.

1) Другой вопросъ, насколько это предположеніе будетъ убѣдительно.

ига и утверждающаго всемірное царство подъ политическимъ владычествомъ Израиля. Между тѣмъ, евангелисты вырисовываютъ Мессію совершенно отличнымъ отъ традиціонныхъ представленій. Это былъ не грозный царь, но смиренный труженикъ, дѣйствовалъ Онъ не грубой, физической силой, но — силой любви и кротости, не къ политическому господству Онъ стремился, а наоборотъ утверждалъ, что царство Его не отъ міра сего. Наконецъ, Онъ не собирался вовсе подчинить человѣчество избранному народу, но объявлялъ, что для Отца небеснаго не существуетъ національныхъ перегородокъ, и что Онъ одинаково любить всѣхъ людей. И въ концѣ концевъ Мессія евангелистовъ былъ распятъ, т. е. преданъ самой позорной казни, какую только зналъ античный міръ. Крестная смерть была въ древности величайшимъ позоромъ и безчестіемъ, ею наказывали только самыхъ закоренѣлыхъ преступниковъ. Римскіе же граждане ей вообще не подлежали, ибо считалось, что какой бы низкій поступокъ, какое бы ужасное преступленіе римскій гражданинъ ни совершилъ его гражданское достоинство не позволяетъ наказать крестной смертью. Значитъ, ученіе о крестной смерти было невыгоднымъ для распространенія евангельской проповѣди, т. к. одна мысль, что проповѣдуемый Мессія былъ распятъ, должна была сразу оттолкнуть людей отъ проповѣдниковъ[1]). И если это не случилось, то только благодаря той убѣжденности и искренности, которыя могутъ сквозить въ дѣлахъ только людей всей душой любящихъ правду. Эта правдивость звучала въ каждомъ словѣ апостольскаго благовѣствованія и подобно магниту притягивала она къ новому ученію массы алчущихъ правды людей.

Наконецъ, если мы допустимъ, что Апостолы проповѣдывали то, во что они въ глубинѣ души не вѣрили, то поведеніе ихъ будетъ совершенно непонятнымъ. Дѣйствительно, евангельская проповѣдь не давала имъ абсолютно никакихъ выгодъ, наоборотъ она ихъ обрекала на всевозможныя гоненія и преслѣдованія; нерѣдко апостолы рисковали даже жизнью, и исторія свидѣтельствуетъ намъ, что многіе изъ нихъ кончили жизнь казнью. Гдѣ же найдется такой обманщикъ, который будетъ обманывать, зная, что онъ за это можетъ отвѣтить головой и что выгоды отъ своего обмана все равно имѣть не будетъ. Но апостолы молчать не могли, ибо они проповѣдывали истину и ради этой истины готовы были, если это было нужно, душу свою положить. „Мы не можемъ не говорить, отвѣчали апостолы Петръ и Іоаннъ синедріону, *того, что видѣли и слышали*" (Дѣян. 4. 20).

Слѣдовательно, у насъ нѣтъ никакихъ основаній заподозрить апостоловъ въ обманѣ, наоборотъ все говоритъ за то, что евангелисты писали чистую правду, жертвуя ради послѣдней всѣмъ —вплоть до своей жизни.

Но критики намъ могутъ возразить слѣдующее: если имѣется много данныхъ, говорящихъ за истинность того, что написано въ Евангеліяхъ, то имѣется зато одно обстоятельство, которое сразу подрываеть достовѣрность Евангельскихъ повѣствованій, это—описаніе сверхъестественныхъ явленій, чудесъ, разсыпанныхъ по всему Евангелію. Если бы Евангелія трактовали только о естественныхъ вещахъ, то при наличіи стольких данныхъ, говорящихъ въ пользу правдивости написаннаго, никто въ послѣдней не сомнѣвался бы. Тотъ же фактъ, что Евангелія говорятъ о чудесахъ, доказываетъ, что не все въ нихъ написанное правда, а это сразу подрываетъ довѣріе къ тому, что тамъ изложено.

Такъ разсуждаютъ тѣ, кто не признаютъ возможности существованія чудесъ. Своимъ возраженіемъ они въ сущности переносятъ предметъ спора совершенно въ иную область, они затрагиваютъ принципіальный вопросъ: возможны ли чудеса вообще или нѣтъ. Изслѣдованіе этого вопроса отвлекло бы насъ слишкомъ далеко, мы потому здѣсь ограничимся слѣдующимъ. Тотъ, кто не *вѣритъ* въ возможность существованія чудесъ вообще, не будетъ, конечно, вѣрить Евангельскимъ чудесамъ. Но причина этого недовѣрія отнюдь не объективна, т. е. она лежитъ не въ Евангеліяхъ, но — въ личности скептика. Признать ложность описываемаго въ Евангеліяхъ заставляютъ его не какія либо положительныя данныя, но его субъективное чувство невѣрія въ сверхъестественное. И до тѣхъ поръ это чувство не пріобрѣтетъ какого нибудь реальнаго значенія, пока скептикъ не сможетъ доказать, что чудеса вообще невозможны. Поскольку это доказать нельзя, постольку и основаніе недовѣрять Евангеліямъ лишено объективнаго смысла. Намъ могутъ возразить, что вѣрующіе находятся въ аналогичномъ положеніи, что и они не въ состояніи доказать дѣйствительность описываемыхъ въ Евангеліяхъ чудесъ. Въ этомъ критика права, но она забываетъ, что на нашей сторонѣ цѣлый рядъ объективныхъ данныхъ, которыя мы выше разсмотрѣли и которыя свидѣтельствуютъ, что все говоритъ за правдивость написаннаго въ Евангеліяхъ. Слѣдовательно, болѣе вѣроятно, что написанное въ Евангеліяхъ (включая и чудеса) правда, чѣмъ предполагать обратное, потому и утвержденіе признающихъ правдивость Евангелій болѣе обосновано, чѣмъ тѣхъ, которые въ ней сомнѣваются.

Есть еще одно обстоятельство, на которое критика любитъ ссылаться, стремясь дискредитировать правдивость Евангелій; это тѣ противорѣчія и несогласія въ повѣствованіи, которыя иногда наблюдаются между евангелистами. На примѣрахъ мы останавливаться сейчасъ не будемъ, замѣтимъ только, что „противорѣчія" эти касаются деталей и что они скорѣе доказываютъ противное тому, чего хочетъ добиться критика. Фактъ существованія мелкихъ различій въ описаніи того или иного событія является лучшимъ доказательствомъ, что евангелисты писали правду и что они предварительно между собой не сговорились. Пусть нѣсколько человѣкъ наблюдаютъ одно и то же явленіе, и пусть они потомъ разскажутъ, что они видѣли. Окажется, что между ихъ показаніями будетъ всегда существовать цѣлый рядъ разногласій или несовпаденій, относящихся главнымъ образомъ къ деталямъ. Такъ и съ Евангеліями. Поэтому и это возраженіе критики не достигаетъ намѣченной цѣли.

Теперь намъ остается изслѣдовать третій изъ поставленныхъ вопросовъ. Допустимъ, что Евангелія были составлены въ вѣкъ Апостольскій, что они были написаны очевидцами жизни Іисуса Христа, и что авторы Евангелій передавали только чистую истину. Но кто можетъ намъ поручиться за то, что Евангелія дошли до насъ не въ поврежденномъ видѣ и что они не

1) „Мы проповѣдуемъ Христа распятаго, для Іудеевъ соблазнъ, а для Эллиновъ безуміе" (1 Кор. 1. 23).

подвергались многочисленнымъ „благочестивымъ“ исправленіямъ и передѣлкамъ со стороны переписчиковъ и переводчиковъ? Кто можетъ поручиться намъ, что мы не владѣемъ искаженнымъ текстомъ, носящимъ слѣды вѣковыхъ наслоеній?

Дѣйствительно, подлинники Евангелій до насъ не дошли, тѣмъ не менѣе мы обладаемъ цѣлымъ рядомъ данныхъ, которыя говорятъ за то, что дошедшій до насъ евангельскій текстъ сохранился во всей своей первоначальной чистотѣ и что совершенно невѣроятно предполагать будто онъ подвергался искаженіямъ.

Мы уже выше говорили, что у отцовъ и учителей Церкви первыхъ трехъ столѣтій мы находимъ многочисленныя цитаты и ссылки на Евангелія. Въ большинствѣ случаевъ эти заимствованія въ точности совпадаютъ съ текстомъ дошедшихъ до насъ Евангелій. Кромѣ того, исторія Церкви говоритъ намъ, что Евангелія, съ момента своего появленія, считались величайшей святыней въ глазахъ христіанъ, многіе изъ нихъ знали все Евангеліе наизусть, что дѣлало очень труднымъ искаженіе текста, ибо тѣ или иныя уклоненія были бы тотчасъ же замѣчены. Новѣйшая богословская критика отказалась отъ мысли, что поддѣлки и искаженіе текстовъ было вещью легкой. Наоборотъ, въ тамошнихъ условіяхъ это было совершенно невозможной вещью.

„Пусть древнѣйшіе манускрипты, пишетъ одинъ изслѣдователь, обнаруживаютъ извѣстныя отклоненія, пусть цитаты, которыя мы находимъ въ твореніяхъ отцовъ, не всегда дословно согласны; несмотря на это, свойство всего матеріала, имѣющаго значеніе въ вопросѣ о составѣ первоначальнаго Евангелія, заставляетъ признать, что при всѣхъ разногласіяхъ это—одна книга, одинъ текстъ. Весткоттъ и Гортъ, безъ сомнѣнія, извѣстные изслѣдователи, думаютъ, что по выдѣленіи чисто ороографическихъ и другихъ малозначущихъ варіантовъ, едва тысячная часть текста всего Новаго Завѣта остается въ какомъ либо отношеніи подлежащей вопросу“ 1).

Наконецъ, самымъ убѣдительнымъ доводомъ въ пользу того, что Евангелія дошли до насъ не въ поврежденномъ видѣ, является тотъ фактъ, что между всѣми дошедшими до насъ текстами не наблюдается никакихъ расхожденій или несовпаденій. Если дѣйствительно евангельскій текстъ искажался бы, то между различными Евангеліями наблюдались бы, безусловно, разногласія и противорѣчія. Ничего подобнаго въ дѣйствительности однако не замѣчается, значитъ Евангелія дошли до насъ въ неповрежденномъ видѣ.

Подводя итоги всему сказанному, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) Евангелія — документы перваго столѣтія нашей эры, 2) Написаны они очевидцами излагаемыхъ событій, 3) Документы эти имѣютъ высокую историческую цѣнность, благодаря своей правдивости, 4) Дошедшій до насъ евангельскій текстъ сохранился во всей своей первоначальной чистотѣ.

Г. Пападопуло.

(*Продолженіе будетъ*).

1) *Безе.* Достовѣрность нашихъ Евангелій, стр. 129.

Духовенство и интеллигенція *)

Въ послѣднее время періодическая печать, разныхъ оттѣнковъ и направленій, все больше и больше удѣляетъ вниманія вопросу о положеніи Православной Церкви въ Польшѣ.

При этомъ, разсматривая общій строй нашей Церкви, обсуждая ея мнимые и дѣйствительные дефекты и недостатки, описывая тѣ или другіе анормальные случаи изъ ея быта,—рѣдкіе изъ публицистовъ разсматриваютъ явленія этого порядка съ точки зрѣнія безпристрастнаго наблюдателя. Наоборотъ, очень часто забывая простую и общеизвѣстную истину, что каждая общественная организація, — поскольку она состоитъ изъ живыхъ людей,—не можетъ быть названа совершенной; съ другой стороны,—что Православная Церковь въ Польшѣ до сихъ поръ, по независящимъ отъ нея обстоятельствамъ, живетъ въ условіяхъ ненормальныхъ, при наличіи которыхъ она не можетъ всесторонне раскрыть свой внутренній бытъ и выявить свою жизненную силу и духовную мощь,— подавляющее большинство органовъ свѣтской печати всю вину за это сваливаютъ на нашу высшую правящую іерархію и за одно—огульно на все рядовое духовенство.

Нечего и говорить, конечно, что многіе изъ публицистовъ, пишущіе по даннымъ вопросамъ, отнюдь не ограничиваются однимъ только констатированіемъ тѣхъ либо иныхъ фактовъ, относящихся къ жизни нашей Церкви, но, комментируя ихъ на всяческія лады, соотвѣтственно своимъ вкусамъ и взглядамъ, сплошь и рядомъ предлагаютъ методы и средства къ излѣченію немощей и болѣзней нашей церковной жизни, полагая, какъ, напр., дѣлаетъ это сотрудникъ газеты „За Свободу“ г. Туберозовъ, что панацеей отъ всѣхъ золъ въ этомъ отношеніи является самое широкое сотрудничество пасомыхъ съ пастырями, въ смыслѣ управленія Церковью, участія въ ея организаціи и устройствѣ ея быта.

Цѣлью настоящей моей замѣтки является не полемика съ кѣмъ нибудь, а лишь желаніе отвѣтить на письмо неизвѣстнаго мнѣ автора, цитируя которое въ своей статьѣ („За Свободу“ № 264), г. Туберозовъ называетъ его „воплемъ изстрадавшейся вѣрующей души“.

Авторъ названнаго письма, обращаясь къ пастырямъ вообще, говоритъ къ нимъ приблизительно такъ: „Гдѣ же вы, наши пастыри? Почему наше общеніе съ вами почти исключительно выражается въ томъ, что вы исполняете для насъ требы? Почему не хотите вы призвать насъ для совмѣстной работы въ дѣлѣ устроенія нашей Церкви и лѣченія ея болѣзней?“

Такъ вотъ на „вопль“ этой изстрадавшейся вѣрующей души я и хочу отвѣтить—тоже воплемъ своей пастырской, наболѣвшей и изстрадавшейся души, и, полагая, что среди нашей паствы находится много духовныхъ дѣтей, болѣющихъ, подобно автору названнаго письма, душой за общее и дорогое для всѣхъ насъ дѣло устроенія нашей Св. Прав. Церкви,—я обращаюсь ко всѣмъ нашимъ пасомымъ, жаждующимъ

*) Настоящая статья печатается съ цѣлью выясненія недочетовъ прежняго времени и установленія пути къ устраненію ихъ въ настоящее время, когда во имя церковно-религіозныхъ и общественно-народныхъ интересовъ всѣ мы—и духовенство, и интеллигенція—должны быть „едино“. Какъ „вопль“ наболѣвшей пастырской души, статья написана съ нѣкоторой горячностью, но извинительной для автора; ибо она—отвѣтъ на не только горячій, но пристрастный „вопль“ изстрадавшейся вѣрующей души.

Редакція.

совмѣстной съ нами работы на нивѣ Божіей, съ вопросомъ:

„Дорогіе наши пасомые! Гдѣ же вы были раньше? Почему никогда въ прежнее время мы не слыхали этихъ вашихъ воплей и страданій? Или, вѣрнѣе: слыхали „вопли", но только—въ совершенно иномъ родѣ. Почему, далѣе, вы всегда оставались глухи къ нашимъ, обращеннымъ къ вамъ, пастырскимъ воплямъ? Почему вашему сердцу ничего не говорили наши страданія? Почему, наконецъ, не обращая никакого вниманія на эти наши страданія и вопли, вы постоянно и неуклонно, съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, уходили отъ насъ и—что ужъ грѣхъ таить—отъ Св. Церкви, удаляясь на разныя распутія и халуги?"

Ставя вамъ эти горькіе упреки, я дѣлаю это совершенно сознательно, отчетливо понимая, что тяжесть ихъ еще болѣе усиливается оттого, что они вами заслужены и вполнѣ справедливы.

Впрочемъ, еще вопросъ: „быть можетъ, теперь, когда вы сами поняли и сознали, что дѣйствительно находитесь на распутьи; что широкія народныя массы—наши рядовые, такъ сказать, прихожане—отошли отъ васъ, ничего общаго съ вами не имѣя (а это съ яркой силой и убѣдительностью доказали русская революція и смута), вы опомнились, сознали свои грѣхи и хотите итти съ нами рука объ руку, хватаясь за насъ, какъ за якорь спасенія?"

Но, въ такомъ случаѣ—простите: „поймемъ ли мы другъ друга? Найдемъ ли мы общій языкъ и то дружное согласіе, которое столь необходимо въ дѣлѣ такой исключительной важности, какъ жизнь и устройство Церкви Христовой?"

Простите меня, всѣ тѣ наши пасомые, до которыхъ дойдутъ мои слова! Но смѣю васъ увѣрить, что никого изъ васъ я не хочу оскорбить или обидѣть, и, если пишу объ этомъ, то только потому, что не могу не высказать открыто и честно горькой правды изъ нашего недавняго, общаго для насъ и васъ, прошлаго. Это печальное и тяжелое прошлое, за время моей 22-лѣтней пастырской службы, огромной суммой своихъ фактовъ и цифръ, столько накопило во мнѣ горечи, обидъ и разочарованій, что, вспоминая его, я, безъ преувеличеній говоря, пишу о немъ въ данный моментъ кровью своего сердца. Однако,—надѣюсь, что вы сами дадите справедливую оцѣнку тѣмъ фактамъ, о которыхъ я буду говорить въ настоящей своей замѣткѣ, и не осудите меня слишкомъ строго.

Въ довоенное время,—не по нашей, конечно, винѣ,—мы и вы—это были два, не только діаметрально противоположныхъ, но—и прямо враждебныхъ лагеря. Мы были для васъ не пастырями, а только—попами, изувѣрами, фанатиками, ретроградами, черносотенцами, клерикалами и т. д. и т. д. Наша „жадность", „корыстолюбіе" и др. пороки, которыми не скупясь вы надѣляли насъ, вошли у васъ въ пословицы. Вотъ почему писать, напр., о насъ въ повременной печати, сколько-нибудь прилично и правдиво, было попросту въ вашихъ глазахъ не моднымъ.

Но подумайте сами: вѣдь пресса была въ вашихъ рухахъ, т. е. въ рукахъ нашей же паствы. Почему же эта часть паствы, численно весьма значительная, въ рукахъ которой было печатное слово, такъ злоупотребляла этимъ словомъ и, ведя постоянную систематическую борьбу противъ своихъ пастырей, упорно не желала отрѣшиться отъ предвзятыхъ сужденій и быть въ отношеніи насъ, если не безпристрастной, то, по крайней мѣрѣ, хотя бы сколько-нибудь приличной?

Вы хотите конкретныхъ фактовъ?—извольте.

Кто, напр., не помнитъ тѣхъ гнусныхъ газетныхъ выпадовъ, которые въ 1905 и 1906 г.г. сыпались на голову великаго старца и свѣтильника Православія—приснопоминаемаго и досточтимаго о. протоіерея Іоанна Ильича Сергіева—Кронштадтскаго? Какая только грязь и клевета не писались противъ него?! А грязные памфлеты, направленные по адресу архіепископа, нынѣ митрополита, Антонія (Храповицкаго), заслуженная административная и богословская дѣятельность котораго пріобрѣли столь широкую извѣстность! Я уже не говорю тутъ объ огульныхъ массовыхъ обвиненіяхъ рядового духовенства, равно—не касаюсь др. многочисленнѣйшихъ фактовъ этого рода, которыми такъ богато наше прошлое.

Пресса, вмѣстѣ съ вашей же порнографической литературой проникая на фабрики, заводы и въ деревни, развращала и разлагала массы населенія, убивая въ нихъ искру Божію, подрывая нашъ пастырскій авторитетъ и вліяніе и отрывая простыхъ сердцемъ людей отъ матери—Церкви.

Повѣсть о хлѣбѣ.

...„Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь"...

„Не хлѣбомъ единымъ живъ будетъ человѣкъ",—говоритъ Писаніе. Но нашъ хлѣбъ насущный, простой, „сухой хлѣбъ", столь презрительно поминаемый не разъ всѣми нами, тоже великій даръ, ниспосланный намъ Творцомъ. И у кого есть этотъ „сухой хлѣбъ", тотъ да благодаритъ ежечасно Господа за Его несказанную милость. Эти мысли приходятъ мнѣ въ голову всегда, когда я слышу жалобы на „невкусный, простой, сухой хлѣбъ". И я хочу разсказать эту короткую жуткую повѣсть о хлѣбѣ.

Дѣло было въ 1921 г. въ городѣ Ж. Живя въ немъ, я слышала, что огромная дѣтская больница вся наполнена дѣтьми съ Поволжья, которыя вывозятся изъ мѣстъ, гдѣ голодъ опустошилъ цѣлыя округи, вывозятся въ Харьковскую и Кіевскую губерніи, какъ богатыя по тому времени хлѣбомъ. У насъ хлѣбъ былъ на базарѣ цѣлыми горами, хорошо выпеченный, чистый и аппетитный, для многихъ, правда, недоступный по цѣнѣ, но — хлѣбъ былъ. Говорили, что для мѣстныхъ больныхъ дѣтей просто нѣтъ мѣста, такъ переполнена больница дѣтьми съ Поволжья.

И вотъ случилось несчастье и мой ребенокъ заболѣлъ крупномъ. Болѣзнь страшная, дитя задыхается и, еще здоровое днемъ, ночью чуть не умираетъ. Рано утромъ первая мысль была, конечно, скорѣе въ больницу, къ доктору на даровое леченье, а позвать доктора и лечить дома — нѣтъ средствъ. И вотъ я у больницы, огромной, бѣлой и чистой; меня не пускаютъ,—нѣтъ мѣстъ—говорятъ. Дожидаюсь доктора и подхожу къ нему съ ребенкомъ, который пока тихо спитъ на рукахъ до новаго приступа удушья. Почти не говорила, а только смотрѣла на доктора, который показался мнѣ симпатичнымъ, и вѣрно мой видъ, мое отчаяніе на лицѣ сдѣлали то, что онъ приказалъ принять въ свободную палату, которая была оставлена на случай, въ запасѣ. И вотъ черезъ сутки мой ребенокъ спасенъ, уже не грозитъ удушье, остались кашель и слабость. Вздохнувъ свободнѣе, я стала присматриваться къ окружающему, наблюдать.

О Боже! Что увидѣла я! Когда то, въ какомъ то журналѣ я видѣла снимокъ съ голодающихъ индусовъ, и вотъ я увидѣла на яву скелеты, обтянутые кожею, сморщенную кожу на лицахъ дѣтей, цвѣта желтаго воска; лежали прикрытые одѣялами словно живые скелеты! Были раздѣлены по палатамъ по степени наибольшаго голоданья. Въ большой палатѣ находилось

Открыто, путемъ печати, театровъ, кинематографовъ и проч., проповѣдывались невѣріе и безбожіе. И это ваше невѣріе, просачиваясь въ толщу народа, медленно, но вѣрно дѣлало свое пагубное дѣло, ибо—„Gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo“. Быть вѣрующимъ—съ вашей точки зрѣнія—было попросту признакомъ дурного тона и даже—умственной отсталости. Вы увлекались всѣмъ, чѣмъ угодно: теософическими кружками, спиритизмомъ, сектантствомъ и т. д. и т. д., но только — не вѣрой и Церковью, до жизни и истинныхъ насущныхъ потребностей которой у васъ не больше было интереса, чѣмъ къ прошлогоднему снѣгу. Что это такъ,—доказываютъ, напр., сектантскія собранія, постоянно устраиваемыя въ Петербургѣ передъ войной сектантскимъ проповѣдникомъ Фетлеромъ. Въ то время, когда храмы пустовали, залъ сектантскихъ собраній буквально ломился отъ интеллигентныхъ посѣтителей, большинство которыхъ было лично знакомо и даже дружно съ Фетлеромъ, называя его между собой „добродушнѣйшимъ“ Иваномъ Ивановичемъ и не понимая, быть можетъ, не желая понять, какой непоправимый вредъ приносили родному Православію всѣ эти *добродушные*, заѣзжіе къ намъ нѣмцы.

Будучи сами невѣрами, вы и дѣтей своихъ воспитывали въ безбожіи и невѣріи, систематически, зачастую—демонстративно, нарушая на глазахъ у нихъ церковные уставы въ отношеніи св. постовъ, исповѣди, домашней молитвы, посѣщенія богослуженій и т. д. и знакомя этихъ дѣтей съ нами-пастырями, нашей дѣятельностью и проповѣдуемыми нами истинами лишь при посредствѣ нескромныхъ анекдотовъ, разсказываемыхъ безъ стѣсненія на нашъ счетъ.

Я въ теченіе 10 лѣтъ законоучительствовалъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; предъ глазами у меня прошла не одна сотня дѣтей интеллигентныхъ православныхъ родителей,—и я съ полнымъ правомъ, на основаніи личной практики, категорически утверждаю, что за эти десять лѣтъ своей службы, экзаменуя учениковъ и ученицъ изъ Закона Божія, иначе говоря, провѣряя у дѣтей на вступительныхъ экзаменахъ въ младшіе классы самыя элементарныя религіозныя познанія,—я видѣлъ предъ собою пустыя дѣтскія души, мертвыя tabulae rasae, которымъ, въ смыслѣ религіозномъ, семья не дала положительно и абсолютно—ничего.

Вы постоянно называли наше сословіе замкнутой наглухо кастой. Но почему же вы не предпринимали никогда попытокъ къ тому, чтобы оживить эту замкнутую „касту“ притокомъ свѣжихъ силъ изъ вашей, скажемъ, среды?

Была у насъ своя духовная школа. Что же, интересовались вы этой школой? Заботились о томъ, чтобы она была дѣйствительно разсадникомъ духовнаго просвѣщенія? Воспитывали и обучали въ ней вашихъ дѣтей? Ничего подобнаго: для васъ всѣ наши учебныя заведенія, высшія, среднія и низшія, были только „бурсами“, какъ, съ легкой руки Помяловскаго, вы презрительно называли ихъ, а обучавшіеся въ нихъ ваши будущіе пастыри—только „неотесанными бурсаками“, напитанными, по вашему мнѣнію, вмѣсто настоящей науки—одной схоластикой.

Имѣли мы и свою народную церк.-приход. школу—наше родное дѣтище, вскормленное и взлелѣянное нашими тяжелыми неусыпными трудами и заботами. Кто не знаетъ, сколько несли мы въ ней безплатной работы, сколько затрачивали на нее и своихъ скудныхъ средствъ?

Огромная польза этой школы, при общей темнотѣ народныхъ массъ и при недостаткѣ школъ въ огромной Россіи, была очевидна и не вызывала никакихъ сомнѣній. Этой пользы могъ не замѣнить—лишь развѣ умственно слѣпой человѣкъ или завѣдомый недоброжелатель и врагъ нашъ. Между тѣмъ, кому же не извѣстно, что эта школа была для васъ, что называется, бѣльмомъ на глазу? Достаточно вспомнить тутъ всю недостойную травлю, которую настойчиво и постоянно вела противъ церк.-приход. школъ Госуд. Дума, отказывая имъ въ кредитахъ на содержаніе, подъ тѣмъ предлогомъ, что эта школа будто бы была учрежденіемъ чисто конфессіональнымъ (?). Въ послѣднее время въ той же Думѣ былъ принятъ законопроектъ, вычеркнувшій изъ жизни всѣ эти школы. А постоянная борьба земствъ противъ этихъ школъ, какъ бы заранѣе предрѣшившая судьбу ихъ въ Госуд. Думѣ! Кто не помнитъ о систематическомъ урѣзываніи въ земскихъ школьныхъ бюджетахъ средствъ на содержаніе церк. пр. школъ, а зачастую—и полныхъ отказовъ въ отпускѣ такихъ средствъ?

около 60 дѣтей, которыхъ, если уже не „поставили на ноги“, то спасли для жизни; имъ уже давали хлѣбъ, супы были уже посолены (соль нельзя давать совершенно истощеннымъ долгимъ голодомъ). Имъ дѣлали ванны каждое утро, причемъ сидѣлки вели подъ руки 12-ти и 14-лѣтнихъ дѣтей, такъ какъ ихъ кости, обтянутыя только кожею, не имѣли еще мышцъ и не могли ходить, не могли передвигать свои скелеты. Это была страшная картина!

Также страшно было смотрѣть, когда приближалась часовая стрѣлка къ 12-ти часамъ — времени обѣда. Глаза всѣхъ дѣтей были направлены къ дверямъ, откуда принесутъ обѣдъ. Теплый супъ, кусокъ бѣлаго хлѣба. Головы вытягивались и поворачивались на тонкихъ до ужаса шеяхъ, глаза начинали особенно горѣть, пытались съ трудомъ приподняться на локтевой кости. Вносился обѣдъ и кости тянулись къ нему. Хлѣба давали много, дѣти не могли съѣсть всего; онъ прятался съ жадною бережливостью „про запасъ“,—они не могли свыкнуться съ мыслью, что имъ каждый день принесутъ теплый супъ и кусокъ хлѣба, имъ все казалось, что, можетъ быть, не дадутъ, не станетъ хлѣба, тогда у нихъ будетъ „запасъ“... Это строго запрещалось и два раза въ недѣлю приходящая женщина — врачъ, депутатъ изъ Наркомздрава, дѣлавшая ревизію, осматривала столики, заглядывала подъ матрасы и съ возмущеніемъ выбрасывала „запасы“ бѣдныхъ изголодавшихся дѣтей, которыя не вѣрили, что могутъ быть каждый день сыты и безъ нихъ...

Въ другія—меньшія—палаты я заглянула лишь разъ, такъ какъ то, что увидѣла тамъ, я не могла заставить себя еще разъ смотрѣть. Тамъ лежали дѣти, которыя, несмотря на всѣ старанья, умирали... Докторъ разговорился со мною и объяснилъ мнѣ, что ихъ организмъ былъ настолько истощенъ, что никакой, самый заботливый уходъ, не могъ ихъ вернуть къ жизни.

Имъ было холодно, они стонали безпрерывно, дрожали мелкой дрожью. Одна дѣвочка лѣтъ 6-ти кричала тонкимъ голосомъ круглыя сутки и переставала кричать лишь тогда, когда ее сажали у камина, завернувъ въ одѣяло. Тогда она успокаивалась и страшная улыбка раздвигала сморщенную кожу, показывая зубы. Черезъ нѣсколько дней крикъ прекратился; умерла и она, какъ умирали каждый день другія.

Матерей, допущенныхъ при дѣтяхъ, было лишь двѣ, я, да еще одна женщина. У ея 4-хъ лѣтняго мальчика начиналъ расти горбъ и его положили въ гипсъ. Я разговорилась съ ней. Она уже три мѣсяца

Словомъ,—всюду велась вами ожесточенно-напряженная борьба противъ насъ и нашихъ начинанiй. Между тѣмъ, въ количественномъ отношенiи силы въ этой борьбѣ были далеко не равныя: насъ были тысячи, а васъ миллiоны; на одну нашу созидающую руку приходились тысячи вашихъ разрушающихъ рукъ. Неудивительно, что вы съ гораздо большимъ успѣхомъ разрушали, чѣмъ мы что-нибудь создавали въ области вѣры и церковной жизни.

Все, что ни исходило отъ насъ хорошаго, свѣтлаго и чистаго, безпощадно, какъ я говорилъ выше,—осуждалось и превратно истолковывалось вами при посредствѣ вашей прессы и литературы. Тутъ я напомню вамъ объ одномъ, быть можетъ, не столь значительномъ, но очень показательномъ фактѣ, именно: во время русско-японской войны, изъ устъ въ уста передавался интеллигентными людьми скверный низкопробный „анекдотъ" о генералѣ Куропаткинѣ: „Генералу наслали столько образовъ (св. иконъ), что онъ не зналъ, какимъ образомъ побѣдить японцевъ".

Позволительно спросить: отдавали ли себѣ отчетъ господа, оскорблявшiе подобнымъ образомъ религiозное чувство весьма многихъ и многихъ вѣрующихъ? Да развѣ можно зафиксировать всѣ подобнаго рода факты и предъявить вамъ на все это подробный счетъ?! Полагаю, что не впаду въ данномъ случаѣ въ сильное преувеличенiе, если скажу словами Апостола: „Если написать о семъ подробно, то и самому мiру не вмѣстить пишемыхъ о семъ книгъ".

А ваши отношенiя вообще къ намъ, какъ своимъ духовнымъ пастырямъ! Но, прежде чѣмъ говорить объ этомъ, мнѣ, по контрасту, вспоминается одинъ случай, свидѣтелемъ котораго я былъ недавно въ домѣ одного изъ независимыхъ и богатыхъ интеллигентныхъ гражданъ-католиковъ. Въ этомъ домѣ былъ семейный праздникъ, на которомъ въ числѣ гостей присутствовалъ и мѣстный ксендзъ. И вотъ, при уходѣ ксендза хозяева, цѣлуя его въ руку, благодарили за честь, оказанную имъ его посѣщенiемъ. Сознаюсь, что для меня показалось это довольно страннымъ, ибо никогда я не видѣлъ ничего подобнаго въ православномъ домѣ въ отношенiи православнаго священника. Наоборотъ, не ошибусь, утверждая, что чиновники средней руки, принимая насъ въ былое время у себя въ домахъ, считали, что оказываютъ *намъ* большую и не всегда, по ихъ мнѣнiю, заслуженную нами честь.

Да не помыслитъ благосклонный читатель, что я обладаю въ данномъ отношенiи болѣзненно развитымъ самолюбiемъ, въ силу котораго желалъ бы и для своей скромной особы чего-либо подобнаго. Сохрани Богъ! Я привожу ниже одинъ случай лишь для иллюстрацiи своихъ посылокъ и, по противоположности съ нимъ,—дабы не дать повода къ обвиненiю меня въ голословности моихъ утвержденiй, — разскажу вамъ о встрѣчѣ и бесѣдѣ одного изъ титулованныхъ, носящихъ громкую двойную фамилiю, православныхъ со своимъ приходскимъ пастыремъ.

Дѣло было такъ. Только что назначенный въ приходъ молодой священникъ былъ озабоченъ постройкой въ немъ новаго храма. Естественно, что, имѣя въ средѣ своей паствы богатаго титулованнаго прихожанина, онъ обратился къ нему съ просьбой о пожертвованiи на это благое и неотложное дѣло. „Когда въѣхалъ я во дворъ стильнаго княжескаго замка", разсказывалъ этотъ священникъ, — „то долгое время не зналъ, что дѣлать съ собой, куда поставить свою лошадь и т. д., ибо на мое прибытiе положительно никто не обращалъ вниманiя. Наконецъ, мнѣ удалось поймать кого-то изъ прислуги, случайно проходившей по двору,—и послѣ долгихъ мытарствъ и послѣдовавшихъ за ними безконечныхъ „китайскихъ церемонiй", въ родѣ безчисленныхъ докладовъ и проч., я предсталъ предъ очи сiятельнаго прихожанина. Прежде, нежели я успѣлъ сообщить князю о сущности своего дѣла и цѣли своего къ нему визита, онъ повелъ со мной разговоръ на „религiозныя темы". Говорю—„религiозныя" въ смыслѣ ироническомъ, ибо „любезный" хозяинъ началъ положительно издѣваться надо мной, третируя меня, какъ мальчишку, и зло, дерзко и кощунственно высмѣивать все то, что для меня, какъ вѣрующаго христiанина, а тѣмъ болѣе — священника было особо свято и дорого. Въ концѣ-концовъ, узнавъ о цѣли моего прибытiя, князь заявилъ мнѣ слѣдующее: „свободныя деньги у меня, батюшка, есть, но отдать ихъ на постройку церкви не считаю нужнымъ, такъ какъ задумалъ построить на нихъ въ своемъ имѣнiи конскiй заводъ, отъ котораго, полагаю, гораздо большую пользу получатъ крестьяне, чѣмъ отъ вашей церкви".

Господа! Это похоже на злостный шаржъ, и

какъ прiѣхала съ Поволжья, успѣла откормиться, была лишь очень блѣдна. Монотоннымъ голосомъ, безъ всякаго выраженья, какъ бы о вещахъ не вызывающихъ ни ужаса, ни горя, она разсказывала мнѣ кошмарныя, страшныя были... „Не стало муки, не стало коровъ, ни куръ, ни свиней, все съѣли, ничего нѣтъ, что ѣсть можно. И начали солому съ крышъ ѣсть. Растирали ее, мололи, черезъ сито просѣивали, затѣмъ съ водой замѣшивали и, если посолить, то совсѣмъ ничего.... ѣли. Только вотъ скоро не стало старыхъ крышъ, съѣли всѣ; которыя покрыты меньше 4-хъ, 3-хъ лѣтъ, изъ тѣхъ нельзя было дѣлать хлѣбъ... Ну, стали кору съ деревьевъ варить, ничего... ѣли. Но коры тоже скоро не стало. Тогда пошелъ слухъ, что глина въ 5-ти верстахъ отъ деревни нашей такая жирная, да хорошая, что изъ нея можно что то дѣлать, и ѣсть. Стали ходить за глиной, но скоро власти поставили часовыхъ. Убили часового и опять брали глину, но тогда поставили 5-хъ съ винтовками: тогда ужъ нельзя было и глины ѣсть". Жутко было слушать и не вѣрилось бы, если бы кругомъ не было рядовъ кроватей съ живыми скелетами.

„А то было такъ",—говорила она мнѣ въ другой разъ, — „ѣхалъ одинъ комиссаръ верхомъ по улицѣ и не то нарочно, не то нечаянно обронилъ половину хлѣба. Подумайте! Настоящаго хлѣба, котораго люди не видѣли давно. И ускакалъ себѣ. А люди увидѣли и начали къ нему ползти. Идти не могли, кто могъ ходить, ушелъ днемъ искать чего нибудь, корень какой выкапывать, али такъ вдругъ что найти, что съѣсть можно. И вотъ ползутъ... на четвереренькахъ идутъ, глаза горятъ, зубы оскалили и словно воютъ... Вотъ доползъ одинъ, схватилъ хлѣбъ, и и зубы въ него только запустилъ, какъ другой уже ухватился за хлѣбъ и къ себѣ тащитъ, а тамъ и третiй и четвертый... и десятый. И поднялась возня: и силъ то нѣтъ оборонить у того, кто выхватитъ, отползетъ—а тѣ снова настигаютъ. Возились они такъ до вечера, пока хлѣбъ не то каждый изгрызъ, не то такъ растерзали".

Страшно вспомнить эти разсказы. Ушла я черезъ полторы недѣли съ оправившимся ребенкомъ своимъ изъ этого дома ужаса и долго не могла забыть несчастныхъ дѣтей, мой слухъ будто все еще продолжалъ слышать ихъ стоны.

Съ тѣхъ поръ я только стала понимать все значенiе словъ Молитвы Господней:

...„Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь"...

Л. Р.

тѣмъ не менѣе — это фактъ, достовѣрность котораго я въ любой моментъ могу установить документально.

Теперь я нѣсколько коснусь дѣла народнаго образованія въ средней, а въ особенности — начальной народной школѣ. Кому же не извѣстно, что съ 1905 года, т. е. со времени царскаго указа о свободѣ совѣсти и вѣроисповѣданій, который многими былъ понятъ и истолкованъ, какъ свобода отъ всякой совѣсти, —въ дѣлѣ народнаго образованія совершалась форменная вакханалія, религіозно деморализующая и развращающая молодое поколѣніе? Вотъ нѣсколько примѣровъ, которые обрисуютъ вамъ учителей народной школы. Я, напр., зналъ учителя народной школы, который передъ Св. Причащеніемъ публично, въ присутствіи всѣхъ учениковъ, пилъ чай, а затѣмъ—пошелъ вмѣстѣ съ учениками въ церковь, гдѣ, къ ужасу дѣтей, ничтоже сумняся, принялъ Св. Тайны. Не оставляетъ никакихъ сомнѣній вопросъ о томъ, что въ данномъ случаѣ, со стороны названнаго учителя, была съ опредѣленнымъ намѣреніемъ произведена предъ дѣтьми антирелигіозная демонстрація, такъ какъ въ описываемое мною время не могло быть и рѣчи о принудительномъ воздѣйствіи съ чьей-либо стороны на учителей, въ смыслѣ исполненія ими исповѣди, Св. Причастія и т. д. Я зналъ учителей не только безрелигіозныхъ, но—и прямо враждебно настроенныхъ къ христіанству, прилагающихъ всѣ усилія къ тому, чтобы привить свои антирелигіозныя тенденціи и взгляды тѣмъ дѣтямъ, которыхъ они обучали въ школахъ. Я зналъ также учителя, который, пріѣзжая къ родителямъ на пасхальныя каникулы, на послѣдней недѣлѣ В. Поста публично ѣлъ скоромное, выходя для этого спеціально на улицу, чтобы показать своимъ односельчанамъ всю „глупость", какъ онъ выражался, „этихъ предразсудковъ" (св. постовъ) и убѣдить „темныхъ" людей въ томъ, что отъ такого нарушенія этихъ „предразсудковъ" съ нимъ ничего, молъ, не случится. Я видѣлъ учителей, которые, взявшись по собственной иниціативѣ нести хоругви во время деревенскаго крестнаго хода, бросили затѣмъ посреди деревни святыню съ матерными ругательствами по ея адресу. Я зналъ и многихъ др. учителей, подобныхъ описаннымъ мною, о которыхъ не могу вспомнить безъ чувства крайняго негодованія и говорить—безъ возмущенія. Но довольно. Вы скажете, что это было когда-то. Но къ глубокому сожалѣнію, все это не можетъ быть исключительно отнесено къ той области, которую обыкновенно называютъ историческимъ plusquamperfectum, такъ какъ и въ настоящее время многіе бывшіе учителя русскихъ школъ, не состоящіе польскими учителями, не посѣщаютъ храмовъ, не бываютъ у исповѣди и т. д.

Съ учителями средней школы я былъ знакомъ не только по тѣмъ учебнымъ заведеніямъ, въ которыхъ служилъ и работалъ въ качествѣ законоучителя и преподавателя различныхъ предметовъ, но и, такъ сказать, до нѣкоторой степени, — во всероссійскомъ масштабѣ, ибо въ 1915 году былъ делегированъ учебнымъ заведеніемъ, въ которомъ я тогда служилъ, на всероссійскій съѣздъ учителей средней школы въ г. Москвѣ. Я не стану утомлять вниманія читателя воспоминаніями о томъ „удовольствіи", которое лично я и др. духовные делегаты получили на этомъ съѣздѣ, оставляя всѣ клеветническіе и грязные выпады противъ духовенства на грязной совѣсти тѣхъ г. г. преподавателей средней школы—воспитателей молодого поколѣнія, которые позволяли себѣ это дѣлать. Но не могу, однако, умолчать о тѣхъ изступленныхъ воплях, которые мнѣ приходилось здѣсь слышать и которые съ наглымъ цинизмомъ кричали о ненужности, безполезности, вредѣ и т. д. преподаванія Закона Божія въ школѣ, сравнивая религію съ опіумомъ.

Въ заключеніе—нѣсколько словъ о своей личной работѣ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Я не могу забыть, напр., что г. г. преподаватели — коллеги по службѣ—въ дореволюціонное время аккуратно посѣщали нашъ училищный храмъ не только въ праздники, но и въ дни табельные. Но уже при временномъ россійскомъ правительствѣ, когда наше учебное заведеніе было реэвакуировано, въ томъ же храмѣ, при двухъ-трехъ десяткахъ учениковъ, кстати сказать — изъ трехъ учебныхъ заведеній, тѣ же преподаватели, съ методической точностью, постоянно блистали своимъ отсутствіемъ.

Дальше пошло еще хуже, и г. г. преподаватели вполнѣ опредѣленно и совершенно не стѣсняясь, выявляли свое отношеніе къ религіознымъ вопросамъ. Какъ-то разъ, уже при нѣмецкой оккупаціи, въ нашей мужской гимназіи обсуждался вопросъ о предстоящемъ говѣніи и исповѣди учениковъ, причемъ одинъ изъ преподавателей заявилъ: „Я въ эти глупости давно не вѣрю и вношу предложеніе о снятіи даннаго вопроса съ повѣстки дня". Другой случай, нѣсколько иного рода, былъ въ женской гимназіи. Прихожу я однажды на урокъ въ VI классъ. Поднимается одна изъ учениць и заявляетъ мнѣ: „Батюшка! объясните намъ, пожалуйста, какъ это понимать: вчера на урокѣ А. С. (преподаватель естественной исторіи) говорилъ, что человѣкъ произошелъ отъ обезьяны, а библейскій разсказъ о твореніи человѣка называлъ пустой выдумкой и дѣтской сказкой"?

Разумѣется, я постарался разсѣять „недоумѣніе" своихъ учениць по данному вопросу, но не сказалъ имъ, что, каюсь, подумалъ въ тотъ моментъ объ этомъ „почтенномъ" педагогѣ, а именно: „если судить по вашей физіономіи, то, пожалуй, можно согласиться съ первой половиной вашего утвержденія". Умѣстнымъ будетъ сказать, что этотъ „преподаватель" только въ силу безвременья и совершенно случайно очутился на службѣ въ средней школѣ, т. е. на такой службѣ, о которой онъ, по своей квалификаціи, могъ раньше мечтать развѣ только во снѣ.

Попутно вспоминаю о всеобщемъ учительскомъ съѣздѣ Вяземскаго уѣзда Смоленской губ. въ 1917 году, гдѣ, какъ преподаватель, присутствовалъ и я. И вотъ на этомъ съѣздѣ духовенству устами народныхъ учителей было прямо заявлено: „первые враги народной школы—это урядникъ и попъ".

О послѣдующемъ лучше и не вспоминать, такъ оно было мерзко и кошмарно. Положимъ, большевики изгнали религію изъ школъ. Но я никогда не забуду, что въ эти годы лихолѣтья и смуты первымъ, кто настойчиво потребовалъ закрытія домового храма въ нашемъ учебномъ заведеніи, былъ преподаватель нашего же учебнаго заведенія, бывшій староста этого храма, стоявшій въ это время во главѣ мѣстнаго отдѣла, извиняюсь за выраженіе, „Наробраза".

Развѣ подобныя вещи забываются?!

Но довольно: горько, тяжело и больно вспоминать о всемъ этомъ. Однакоже, приведенные мною немногіе факты, изъ тысячи имъ подобныхъ, которые говорятъ сами за себя и въ особыхъ комментаріяхъ не нуждаются,—наводятъ на очень грустныя размышленія и, къ глубокому сожалѣнію, заставляютъ меня сильно сомнѣваться въ томъ, что мы, пастыри, при совмѣстной работѣ съ вами, пасомыми, въ дѣлѣ устроенія нашей церковной жизни найдемъ столь необходимое для этого дѣла единеніе духа и желанный союзъ мира?

Юсъ.

У насъ.

Работы парламентской сессіи надъ разсмотрѣніемъ проекта государственнаго бюджета Польши на 1927-28 годъ значительно подвинулись впередъ. Сеймовая комиссія окончательно закончила разсмотрѣніе проекта и передала его во второмъ чтеніи на разсмотрѣніе пленума сейма. Благополучному ходу обсужденія бюджетнаго проекта въ парламентѣ въ значительной мѣрѣ способствовала тактика правительства, которое пошло навстрѣчу пожеланіямъ парламентскихъ круговъ и **отказалось отъ части кредитовъ** на нужды военнаго вѣдомства въ суммѣ 80 милліоновъ злотыхъ. Но, вообще, какъ и во все предыдущее время, вопросы внѣшней политики продолжали доминировать въ польской политической жизни надъ вопросами политики внутренней. Привлеченію вниманія общественнаго мнѣнія къ этимъ вопросамъ внѣшней политики въ значительной степени способствовала **большая программная рѣчь, произнесенная министромъ иностранныхъ дѣлъ г. Залѣсскимъ** въ сеймовой комиссіи иностранныхъ дѣлъ.

Министръ иностранныхъ дѣлъ подробно разсмотрѣлъ международное положеніе Польши. Онъ началъ съ миролюбивыхъ стремленій Польши и коснулся вопроса о разоруженіи Германіи, сказавъ, что Польша считаетъ это разоруженіе на основахъ Версальскаго мирнаго договора необходимымъ вступленіемъ ко всеобщему разоруженію. Обрисовавъ положеніе въ Лигѣ Націй и указавъ на то, что Польша не противится финансовому оздоровленію вольнаго города Данцига, министръ перешелъ къ польско-совѣтскимъ отношеніямъ и сказалъ:

„Я желаю заявить, что въ нашихъ отношеніяхъ съ СССР не произошло въ послѣднее время серьезныхъ перемѣнъ. Какъ извѣстно, одной изъ главныхъ проблемъ въ польско-совѣтскихъ отношеніяхъ въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ является вопросъ о дополнительномъ политическомъ соглашеніи, цѣлью котораго должна быть дополнительная гарантія мира на польско-совѣтской границѣ, либо, какъ этого желаетъ польское правительство, на болѣе широкомъ пространствѣ восточной Европы. Осуществленіе этого соглашенія принесло бы пользу не только Польшѣ и СССР, но и всей Европѣ. Я долженъ отмѣтить, что во время этихъ переговоровъ **Польша никогда не проявляла стремленія къ созданію какихъ то блоковъ**, остріе которыхъ было бы обращено противъ Россіи. Напротивъ, Польша стремилась къ заключенію договора или системы договоровъ, равномѣрно и единообразно гарантирующихъ миръ на всемъ востокѣ Европы. Совѣтская политика, однако, не разъ стремилась къ заключенію отдѣльныхъ договоровъ съ государствами восточной Европы. Эту точку зрѣнія ей удалось провести въ жизнь по отношенію къ Литвѣ, что однако не дало обѣимъ сторонамъ значительныхъ выгодъ. Въ октябрѣ 1926 года я обрисовалъ въ общихъ чертахъ посланнику СССР мою точку зрѣнія на переговоры о заключеніи гарантійнаго договора и заявилъ, что **Польша готова немедленно приступить къ этимъ переговорамъ**, при условіи обезпеченія справедливыхъ интересовъ обѣихъ сторонъ. Въ отвѣтъ мнѣ было сказано, что желательно вести переговоры въ Москвѣ, а не въ Варшавѣ. Между тѣмъ, 6-го декабря 1926 года Чичеринъ въ Берлинѣ поднялъ вопросъ о гарантійномъ договорѣ въ своей бесѣдѣ съ германскими журналистами. Поскольку печать вѣрно передала слова Чичерина, изъ нихъ вытекаетъ, что СССР вновь обвиняетъ Польшу въ желаніи создать антисовѣтскіе блоки. Я только что сказалъ, что такихъ тенденцій у насъ нѣтъ. Я бы не хотѣлъ дѣлать изъ указанныхъ заявленій Чичерина пессимистическихъ выводовъ. Мнѣ пріятнѣе вѣрить въ то, что искреннее стремленіе къ укрѣпленію мира существуетъ не только въ Польшѣ, но и въ СССР. Я надѣюсь также, что аналогичные переговоры балтійскихъ государствъ съ Россіей будутъ отражать здоровое пониманіе государственнаго инстинкта этихъ республикъ".

Сдѣлавъ это заявленіе, г. **Залѣсскій перешелъ къ литовскимъ событіямъ** и сказалъ:

„По отношенію къ послѣднимъ событіямъ въ Ковнѣ Польша хранила полное спокойствіе и заняла выжидательную позицію. Мы не имѣли и не имѣемъ намѣренія вмѣшиваться въ чисто внутреннія литовскія дѣла и наша позиція въ теченіе послѣднихъ недѣль должна была убѣдить въ этомъ всѣхъ, вопреки враждебной намъ пропагандѣ. **Въ области внѣшней политики линія поведенія новаго литовскаго правительства еще не вполнѣ ясна.** Правда, мы слышали въ устахъ новыхъ руководителей литовской политики вызывающія слова. Но Польша давно привыкла къ демагогическому тону литовскихъ выступленій, разсчитанныхъ прежде всего на эффектъ въ области внутренней политики. Вѣра въ наши права, подтвержденныя высокими международными инстанціями, позволяетъ намъ спокойно относиться къ территоріальнымъ претензіямъ Литвы. Въ заявленіяхъ новаго ковенскаго правительства неоднократно затронутъ былъ **вопросъ объ установленіи экономическихъ отношеній между Польшей и Литвой**. Было сказано, что польское правительство знаетъ литовскія условія и что условія эти минимальны, а не максимальны. Я могу только сказать, что Польша всегда была готова и нынѣ готова къ установленію добрососѣдскихъ отношеній съ Литвой и что установленію этихъ отношеній препятствуетъ только литовскій тезисъ о томъ, что между Польшей и Литвой существуетъ какое то воображаемое состояніе войны. Литва должна понять, что такое ненормальное положеніе, при которомъ одна изъ сторонъ считаетъ себя находящейся въ состояніи войны, не можетъ продолжаться. Я не хочу предрѣшать вопроса о томъ, насколько положеніе въ Литвѣ можетъ считаться стабилизированнымъ, ибо мнѣ пришлось бы коснуться вопроса, являющагося чисто внутреннимъ дѣломъ Литвы. Но мнѣ хотѣлось бы указать на одно довольно характерное заявленіе литовскаго правительства. Новый литовскій премьеръ-министръ въ одной бесѣдѣ заявилъ, что Литвѣ не угрожаетъ опасность со стороны Россіи, ибо она не имѣетъ общей границы съ Россіей. Такимъ образомъ, онъ косвенно призналъ, что Польша защищаетъ Литву отъ возможной опасности съ востока. Мы не теряемъ надежды на то, что рано или поздно литовцы поймутъ, что сохраненіемъ своей независимости Литва обязана исключительно сосѣдству съ сильной Польшей".

Мы не имѣемъ возможности приводить всѣхъ остальныхъ заявленій г. Залѣсскаго, но вышеприведеннаго достаточно для характеристики мыслей и чувствъ, одушевляющихъ внѣшнюю политику правительства маршала Пилсудскаго на востокѣ Европы. Переходя отъ вопросовъ внѣшней политики Польши къ внутрене-политическимъ проблемамъ, слѣдуетъ указать, что въ послѣднее время **часть польской печати высказываетъ весьма опредѣленныя опасенія** по поводу положенія на восточныхъ окраинахъ Польши. Общественное мнѣніе особенно обезпокоено развитіемъ дѣятельности и пропаганды крайнихъ политическихъ организацій, представленныхъ на сѣверо-восточныхъ окраинахъ Польши т. н. бѣлорусской рабоче-крестьянской громадой. Констатируя необычайное развитіе этихъ организацій, польскія газеты, однако, безпомощно **разводятъ руками передъ дѣйствительными причи-**

нами безпокоящаго ихъ явленія и не видятъ другого исхода изъ положенія, кромѣ примѣненія рѣзкихъ и опредѣленныхъ репрессивныхъ мѣръ со стороны правительства. Польская печать забываетъ о томъ, что развитіе крайнихъ теорій и ученій среди православнаго населенія восточныхъ окраинъ Польши въ значительной степени вызвано ослабленіемъ всѣхъ сдерживающихъ нравственныхъ и духовныхъ вліяній на это населеніе, въ первую очередь — благотворнаго вліянія Православной Церкви. Въ большинствѣ случаевъ, Православное духовенство на восточныхъ окраинахъ поставлено въ такія тяжелыя матеріальныя и моральныя условія существованія, что бороться должнымъ образомъ съ разлагающей революціонной пропагандой не въ состояніи. Мы не разъ говорили и еще разъ повторяемъ — **умиротвореніе восточныхъ окраинъ Польши не возможно безъ удовлетворенія справедливыхъ нуждъ и потребностей Православной Церкви въ Польшѣ.**

Заграницей.

По полученнымъ въ Варшавѣ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ Высокопреосвященный Мѣстоблюститель Московскаго Патріаршаго Престола Митрополитъ Крутицкій Петръ **продолжаетъ находиться въ заключеніи** въ московской Бутырской тюрьмѣ. Состояніе здоровья Митрополита Петра внушаетъ самыя серьезныя опасенія.

Изъ другихъ свѣдѣній, полученныхъ изъ совѣтской Россіи, слѣдуетъ отмѣтить: декретъ совѣтской власти, запрещающій въѣздъ въ Россію представителямъ духовенства всѣхъ исповѣданій, не имѣющимъ правъ совѣтскаго гражданства, и ограбленіе Новгородскаго древняго собора Св. Софіи. Неизвѣстные злоумышленники, проникнувшіе въ соборъ, украли изъ него рядъ цѣнныхъ произведеній церковнаго искусства и обихода, въ томъ числѣ драгоцѣнное облаченіе московскаго Патріарха Никона, сдѣланное въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича. Часть украденныхъ предметовъ совѣтской милиціи удалось отыскать въ Петроградѣ, но о возвращеніи этихъ предметовъ въ Новгородъ свѣдѣній нѣтъ.

Въ европейской политикѣ центральнымъ событіемъ является **ликвидація инцидента, вызваннаго приговоромъ въ Ландау.** Суть дѣла была такова: прошлой зимой въ оккупированномъ французскими войсками нѣмецкомъ городкѣ Гермерсгаймѣ произошло столкновеніе между французскимъ офицеромъ Рузье и нѣсколькими нѣмцами. Во время столкновенія Рузье стрѣлялъ изъ револьвера, убилъ одного нѣмца и ранилъ двоихъ. Дѣло его разбиралось недавно французскимъ военнымъ судомъ въ Ландау. Во время преній представитель правительства заявилъ, что раньше инциденты между французскими войсками и нѣмецкими жителями оккупированной области были рѣдки, но въ послѣднее время участились. Свидѣтели-нѣмцы возлагали всю вину за происшествіе на французскаго офицера. Судъ оправдалъ Рузье и приговорилъ къ тюремному заключенію всѣхъ причастныхъ къ дѣлу нѣмцевъ. **Въ Германіи этотъ приговоръ вызвалъ взрывъ возмущенія.** Даже самые лѣвые элементы протестовали противъ приговора, называя его пристрастнымъ. Германская соціалистическая партія прислала французскимъ соціалистамъ негодующую телеграмму. Кромѣ того, Германія заявила официальный дипломатическій протестъ. Весь инцидентъ грозилъ отразиться на налаживающихся франко-германскихъ отношеніяхъ. Во Франціи только **правая печать стала на защиту приговора суда, а радикалы** и соціалисты выдвинули требованіе о помилованіи осужденныхъ нѣмцевъ и президентъ Думергъ это требованіе удовлетворилъ.

Такимъ образомъ политика французскихъ лѣвыхъ партій, стремящихся къ соглашенію съ Германіей, одержала побѣду. Но, вѣроятно, это одна изъ послѣднихъ побѣдъ этихъ партій — настроеніе французскаго общества все болѣе склоняется вправо, въ то время, какъ среди французскихъ рабочихъ большіе успѣхи дѣлаютъ коммунисты.

Въ Японіи **скончался императоръ Іошихито**, при которомъ происходила русско-японская война. Событіе это не имѣетъ политическаго значенія, такъ какъ въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ покойный императоръ былъ опасно боленъ и не принималъ участія въ руководствѣ жизнью государства. Ему наслѣдовалъ принцъ-регентъ Хирохито, который считается представителемъ либеральныхъ воззрѣній. Надо, однако, отмѣтить, что ограниченіе монархической власти зашло въ Японіи очень далеко и что съ властью японскихъ микадо происходитъ болѣе или менѣе то же, что происходило въ XVIII столѣтіи съ властью королей въ Англіи.

Въ ближайшемъ будущемъ предстоитъ **признаніе совѣтской власти въ Россіи Венгріей.** Переговоры по этому вопросу велись въ Берлинѣ и, по слухамъ, уже закончены. Свѣдѣнія объ измѣненіи отношенія Югославіи и Бельгіи, которыя до сихъ поръ совѣтской власти не признали, опровергаются. Также опровергаются слухи о намѣреніи Соединенныхъ Штатовъ признать совѣтскую власть. **Великое сѣверо-американское государство твердо стоитъ на точкѣ зрѣнія непризнанія большевиковъ.**

Интересныя событія происходятъ въ Испаніи. Они сосредоточиваются вокругъ вопроса о созывѣ національнаго собранія. Диктаторъ, ген. Примо-де-Ривера, настаиваетъ на созывѣ совѣщательнаго собранія, избраннаго по новой системѣ съ преобладаніемъ профессіональнаго представительства. Лидеры старыхъ партій, какъ консервативныхъ, такъ и либеральныхъ, рѣзко возстаютъ противъ этого плана, доказывая, что онъ противорѣчитъ конституціи которая пріостановлена, но не отмѣнена. Нѣкоторые круги, сочувствующіе ген. Примо-де-Ривера, пытаются убѣдить его созвать обычный парламентъ, говоря, что при несомнѣнной популярности диктатора и полной дезорганизаціи старыхъ партій его сторонники получатъ большинство. Однако, повидимому, испанскій диктаторъ стремится не только къ созданію послушнаго себѣ парламента, но и къ дѣйствительной коренной реорганизаціи принциповъ общественнаго представительства въ Испаніи. Окончательное рѣшеніе будетъ зависѣть отъ воли короля, безъ согласія котораго національное собраніе не можетъ быть созвано. Только благодаря его личному вмѣшательству въ Испаніи благополучно разрѣшился конфликтъ между правительствомъ и офицерами артиллеріи, которые подписали обязательство подчиниться рѣшеніямъ правительства.

Важныя событія происходятъ также въ Китаѣ. Англія, послѣ долгихъ колебаній, **рѣшила стать на путь признанія національно-революціоннаго правительства въ Кантонѣ**, которое до сихъ поръ оріентировалось на большевиковъ и относилось къ Англіи рѣзко-враждебно. Рѣшеніе это было принято Англіей послѣ того, какъ кантонское правительство вопреки договорамъ повысило пошлины на англійскія издѣлія и объявило бойкотъ англійскихъ товаровъ. Такимъ образомъ рѣшеніе Англіи продиктовано было желаніемъ оградить свои экономическія интересы въ Китаѣ. Но для положенія Англіи и ея вліянія въ Азіи шагъ этотъ оказался скорѣе отрицательнымъ. **Сѣверныя китайскія силы, до сихъ поръ не выступавшія противъ Англіи,**

увидѣли, что кантонская власть добилась ощутительныхъ результатовъ, рѣзко противъ Англіи выступая, и нынѣ сами выражаютъ желаніе послѣдовать примѣру Кантона и повысить пошлину на англійскіе товары. Кромѣ того, Японія и Соединенные Штаты отнеслись къ англійской политикѣ въ этомъ вопросѣ отрицательно, опасаясь, что укрѣпленіе кантонскаго правительства можетъ усилить коммунистическія вліянія въ мірѣ, и предпочитая политику поддержки антибольшевицкихъ силъ китайскаго маршала Чангъ-Тзо-Лина.

Другой очагъ безпорядковъ и столкновеній неожиданно вспыхнулъ въ Средней Америкѣ, гдѣ въ республикѣ Никарагуа вспыхнула борьба между оріентирующимся на Соединенные Штаты правительствомъ Діаса и оріентирующимся на Мексику правительствомъ Сакаса. На Діаса произведено было покушеніе, оказавшееся неудачнымъ, но войска Діаса были разбиты и Сакасъ подошелъ къ столицѣ. Соединенные Штаты рѣшили вмѣшаться въ событія и высадили въ гавани Пуэрто Кабесасъ дессантъ, принявшійся за возстановленіе порядка. Вслѣдствіе этого возможно обостреніе отношеній между Соединенными Штатами и Мексикой.

Сельское хозяйство.

Удобреніе почвъ. Навозъ. Золото.

Самый учетъ количества накапливаемаго навоза производится очень просто и доступно для каждаго хозяина.

Положимъ, что въ нѣкоторое опредѣленное время скоту скормлено 100 пудовъ лугового сѣна и на подстилку израсходовано 20 пудовъ ржаной соломы.

По таблицамъ содержанія сухого вещества находимъ, что 100 пуд. лугового сѣна содержатъ 85,7% сухого вещества, или 85,7 пудовъ; такъ какъ въ навозъ переходитъ половина этого количества, то со 100 пудовъ сѣна получимъ 42,85 пудовъ навоза; сухое вещество подстилки конечно цѣликомъ переходитъ въ навозъ и значитъ 20 пудовъ ржаной соломенной подстилки даютъ 85,7% сухого вещества, т. е. 17,14 пудовъ навоза; всего же съ указанныхъ количествъ корма и подстилки получимъ 59,99 пудовъ навоза, или на кругъ 60 пудовъ; далѣе, такъ какъ въ навозѣ содержится среднимъ числовъ 75% воды, то, умножая полученную сумму на 4 (такъ какъ она при 75% воды составитъ только 1/4 вѣса навоза), узнаемъ окончательно, что отъ указанныхъ корма и подстилки прибудетъ въ хозяйствѣ 60×4= 240 пудовъ навоза. Такимъ образомъ 1000 пуд. лугового сѣна и 200 пуд. ржаной соломенной подстилки дадутъ 2400 пуд. навоза, т. е. количество, которое требуется для нормальнаго удобренія одной десятины. Хозяйству, которому предстоитъ ежегодно удобрять у себя двѣ десятины парового клина, огорода и сада, при кормленіи скота луговымъ сѣномъ, нужно приготовить въ теченіе хозяйственнаго года, по разсчету 2400 пудовъ на десятину—4800 пуд. навоза, а для этого—скормить скоту 2000 пуд. лугового сѣна и подостлать 400 пудовъ ржаной соломы. При недостаткѣ подстилочнаго матеріала, слѣдуетъ употреблять перечисленныя выше вспомогательныя средства и всякій разъ точно ихъ взвѣшивать, что не составитъ особаго труда въ хозяйствѣ, такъ какъ этотъ матеріалъ подвозится возами, а одинъ возъ можно взвѣсить всегда и умножить на число употребленныхъ въ дѣло возовъ.

Такимъ же образомъ вычисляется количество необходимаго въ хозяйствѣ навоза при кормленіи скота всѣми продуктами перечисленными въ таблицѣ, что не составляетъ особаго труда, но дастъ хозяину возможность быть болѣе увѣреннымъ во всѣхъ своихъ расчетахъ и не уменьшать площади ежегодно удобряемыхъ полей, что всегда и бываетъ, когда хозяинъ, накапливая навозъ, работаетъ въ слѣпую и не руководится никакими расчетами.

На практикѣ навоза должно получиться даже больше вычисленнаго, ибо при хорошемъ содержаніи скота, когда пищи у него достаточно, изъ корма поступаетъ въ навозъ болѣе половины сухого вещества, такъ какъ вся несъѣденная часть корма примѣшивается къ подстилкѣ, отдавая навозу не половину, а все сухое вещество растенія.

Производя такіе учеты ежегодно, напр. въ теченіе 10 лѣтъ, и сличая ихъ съ дѣйствительно накапливающимся каждый годъ навозомъ, можно опредѣлить среднюю величину, которая и будетъ служить мѣриломъ потребности въ навозѣ для даннаго хозяйства, если послѣднее не измѣнило основъ своего полеводства.

Однако слѣдуетъ оговориться, что такой учетъ будетъ правильнымъ только для молочнаго и мясного скота, при содержаніи его въ стойлѣ круглый годъ, когда такой скотъ выгоняется только для прогулки, чтобы поразмять ноги.

Если же весною и лѣтомъ скотъ кормится на пару и вообще на выгонѣ, что у насъ на Волыни происходитъ 6 мѣсяцевъ въ году, или на кругъ 180 дней, то все вычисленное количество навоза приходится уменьшать на нѣкоторую величину, ибо этотъ скотъ, равно какъ и рабочій, нѣкоторую часть навоза оставляютъ внѣ своего помѣщенія, въ которомъ примѣняется только подстилка и, при удлиненіи ночей, скотъ подкармливается въ хлѣвахъ. Практика показала, что, принимая во вниманіе всѣ хозяйственныя данныя, вычисленное годовое количество навоза необходимо уменьшить на 20%, каковое уменьшеніе происходитъ исключительно на счетъ твердыхъ и жидкихъ изверженій; такое уменьшеніе не должно особенно пугать хозяина, такъ какъ оказавшійся минусъ заботливый хозяинъ всегда съ успѣхомъ возмѣститъ подстилочнымъ матеріаломъ: соломой, землей, листвой и компостомъ, о которомъ рѣчь впереди.

Мы нарочно привели самый простой способъ учета накопляющагося навоза для того, чтобы обратнымъ учетомъ опредѣлить, сколько въ хозяйствѣ нужно имѣть травяной площади, въ видѣ естественнаго луга и лугового клина, чтобы получить то количество навоза, которое нужно для нормальнаго веденія хозяйства.

Въ самомъ дѣлѣ, мы опредѣлили, что для того, чтобы получить количество навоза, необходимое для нормальнаго удобренія одной десятины, т. е. 2400 пудовъ, нужно скормить 1000 пудовъ лугового сѣна; лугъ средняго качества, за которымъ установленъ хорошій уходъ, долженъ въ два укоса дать 250 пудовъ съ десятины; иными словами, для того, чтобы получить удобреніе для одной десятины, какъ напр. въ трехпольномъ хозяйствѣ: паръ, рожь, овесъ — нужно для каждой десятины парового поля обладать четырьмя десятинами луга. Если каждый клинъ: паръ, рожь, овесъ будетъ размѣромъ въ одну десятину, то такое хозяйство, при трехъ десятинахъ обрабатываемаго поля, должно имѣть четыре десятины луга, т. е. всего семь десятинъ, не считая усадьбы съ садомъ и огородомъ. Если травяную площадь луга принять за 1, то поля будутъ 3/4; если въ хозяйствѣ обрабатывается пашни 15 десят., то при условіи кормленія скота луговымъ сѣномъ оно должно обладать 20 десят. луговъ. Если такого количества луговъ нѣтъ, то, изъ опасенія истощенія почвы, нужно прикупать сѣно на сторонѣ и развить всю энергію, чтобы надлежащимъ

образомъ использовать всѣ кормовые запасы въ видѣ яровой соломы, половы и др. или, еще лучше, ввести въ свой сѣвооборотъ культуру травъ и корнеплоды, какъ объ этомъ говорилось во II главѣ эскизовъ. Такое хозяйство будетъ довлѣть самому себѣ, не обращаться на сторону, да еще будетъ въ состояніи сбывать свои продукты на рынкѣ.

Остается сказать еще нѣсколько словъ объ опредѣленіи стоимости навоза, такъ какъ нераціонально было бы, если бы хозяинъ такую важную статью, которая обусловливаетъ высоту урожаевъ имѣнія и накопленіе и употребленіе которой стоятъ значительныхъ издержекъ, оставлялъ совсѣмъ безъ оцѣнки и не вводилъ ее въ учетъ доходности хозяйства.

Изъ различныхъ способовъ учета стоимости навоза остановимся только на одномъ, который наиболѣе удобенъ для хозяина и который состоитъ въ точномъ учетѣ доходовъ и расходовъ по скотному двору. Весь убытокъ отъ содержанія скота выражаетъ тогда стоимость навоза. Если же скотный дворъ даетъ доходъ, то стоимость навоза выразится всей чистой прибылью, которая опять возвращается въ почву хозяйства.

Такимъ образомъ опредѣленіе цѣнности навоза состоитъ въ опредѣленіи цѣны по стоимости его производства. Для опредѣленія же стоимости производства навоза составляется счетъ скота.

Расходъ по содержанію скота и стоимость корма злот. 100.

Доходъ отъ скота злотыхъ 80. Кромѣ того получено навоза 1000 пудов.

Разность (100—80=20 злот.) представляетъ стоимость навоза, одинъ пудъ котораго стоитъ 2000: 1000=2 гроша.

Исчерпавъ все необходимое для хозяина о навозѣ, перейдемъ къ знакомству со слѣдующимъ удобрительнымъ веществомъ, именно къ знакомству съ употребленіемъ человѣческихъ экскрементовъ или з о л о т а, дѣйствіе котораго на почву, при разумномъ обращеніи съ нимъ, настолько благотворно и даже поразительно, что не даромъ эти экскременты называютъ золотомъ.

Золото рѣдко накопляется въ хозяйствѣ въ большомъ количествѣ и поэтому лучше его сразу примѣшивать къ навозу, отчего улучшается и качество послѣдняго. Въ городахъ, на фабрикахъ и т. п. скученныхъ центрахъ оно накопляется въ громадномъ количествѣ и отсюда можетъ быть съ пользой употреблено, и употребляется, для удобренія культивируемыхъ почвъ.

Способовъ накопленія и сохраненія золота существуетъ нѣсколько.

Обыкновенно въ отхожихъ мѣстахъ помѣщеніемъ для него служитъ четырехугольная яма разной величины. Хорошо, если яма выложена кирпичомъ и залита цементомъ, тогда золото не будетъ впитываться въ землю и не пропадетъ для хозяйства.

Другой способъ лучше и называется бочечной системой устройства отхожихъ мѣстъ. Въ нижнемъ отдѣленіи такого мѣста ставятъ просмоленную бочку или ящикъ укрѣпленный на колесахъ; такихъ бочекъ или ящиковъ нужно всегда имѣть двѣ штуки для смѣны одного другимъ; въ этомъ же помѣщеніи сдѣлана дверь для вывоза наполненнаго ящика; полученное золото или прямо льютъ въ навозъ, или вывозятъ въ поле, на которомъ и разливаютъ его черпаками. Самый простой и удобный въ хозяйствѣ способъ—это устраивать отхожее мѣсто прямо на навозномъ гноищѣ или на компостной кучѣ; такимъ родомъ не нужно будетъ чистить отхожее мѣсто и можно употреблять золото съ пользою, примѣшивая его къ навозу.

Если же отхожее мѣсто совсѣмъ не устраивается, то хозяинъ долженъ положить у себя за правило, чтобы всѣ естественныя выдѣленія отправлялись на навозѣ: это и гигіенично, и полезно въ хозяйствѣ.

Чтобы было удобно обращаться съ золотомъ тамъ, гдѣ его много и можно его достать извнѣ, его стараются обратить изъ жидкаго состоянія, въ которомъ оно обыкновенно находится, въ твердое. Для этого существуетъ нѣсколько способовъ.

Къ золоту, лежащему въ ямѣ, прибавляютъ негашеной извести, кипѣлки; известка гасится жидкой частью золота и такимъ образомъ оно высушивается; но этотъ способъ требуетъ много извести.

Другой способъ заключается въ томъ, что къ золоту прибавляютъ бычачьей крови, квасцовъ и глины, отчего на дно ямы осѣдаетъ все твердое вещество, а надъ нимъ останется свѣтлая жидкость, которую можно слить въ навозъ, а твердую часть высушиваютъ на солнцѣ и получаютъ порошокъ идущій на удобреніе; но при этомъ способѣ нужно много дорогихъ квасцовъ, да и крови не всегда достать въ нужномъ количествѣ.

Болѣе дешевый способъ состоитъ въ смѣшиваніи золота въ ямѣ съ хорошей землей, послѣ чего такое удобреніе идетъ въ употребленіе; или для смѣшенія употребляютъ мохъ и торфъ, которыми время отъ времени выстилаютъ наполняющуюся выгребную яму, по наполненіи ея такое удобреніе высушиваютъ и употребляютъ въ дѣло. Существуютъ заводы, которые изъ высушеннаго золота приготовляютъ для удобренія такъ назыв. „пудретъ".

Арабы издавна дѣлаютъ изъ золота удобреніе, называемое ими „тафо": золото смѣшивается съ землей, послѣ чего приготовляются кирпичи; ихъ сушатъ на солнцѣ и затѣмъ отправляютъ куда угодно; передъ употребленіемъ ихъ размельчаютъ обухомъ топора и разбрасываютъ по полю.

Вообще удобреніе золотомъ производится такъ. Если оно жидкое, то его черпаками разливаютъ по полю. Такъ можно удобрять паръ и даже растущій уже хлѣбъ, но въ этомъ случаѣ нужно разбавить золото наполовину водою, чтобы хлѣбъ не выгорѣлъ; на десятину выливаютъ 25—30 двадцативедерныхъ бочекъ; такимъ образомъ удобряютъ и лѣтомъ, и зимою; если удобрено лѣтомъ, то нужно сейчасъ же запахать, а зимою разливаютъ по снѣгу и, если позволяетъ время, засыпаютъ разлитое золото снѣгомъ же.

Высушенное золото разсыпаютъ или разбрасываютъ по полю въ пару подъ хлѣбъ до посѣва и запахиваютъ; можно разбросать и по зеленямъ, но тогда уже не задѣлывать. Золото хорошо примѣнять подъ капусту, картофель, огурцы, его или поливаютъ подъ каждое растеніе, или — сухое, подсыпаютъ горсти 3—4 подъ каждое растеніе. Золото хорошо дѣйствуетъ на всѣ хлѣба, особенно яровые; овесъ, ячмень, картофель; хорошо также удобрять имъ луга. Участокъ удобренный золотомъ далъ въ одномъ случаѣ 15 пуд. ржи, 33½ пуд. соломы и 79 пуд. картофеля, а рядомъ такой же участокъ, но не удобренный золотомъ, далъ 6 пуд. ржи, 9 пуд. соломы и 30 пуд. картофеля. Результаты удобренія говорятъ сами за себя.

Нѣмцы—колонисты подъ Петроградомъ—удобряютъ свои поля ежегодно жидкимъ золотомъ и постоянно, изъ года въ годъ сѣютъ овесъ, не давая землѣ отдыха; пара и озими у нихъ нѣтъ и только благодаря такому удобренію овесъ даетъ до 200 пуд. зерна и 200 пуд. соломы съ десятины.

Если бы читатель видѣлъ поля орошенія подъ Москвою и Парижемъ, гдѣ разводятся овощи на поляхъ орошенныхъ городскими нечистотами, то вѣроятно онъ былъ бы пораженъ размѣрами овощей и богатствомъ урожая.

ЮРИДИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.*)

НОВЫЙ УСТАВЪ О ГЕРБОВОМЪ СБОРѢ И ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЯ КЪ НЕМУ ПРАВИЛА.

(Dziennik Ustaw R. P. № 98 и 123 за 1926 г.).

Гербовыя марки могутъ быть погашены или лично плательщикомъ или путемъ представленія органу финансоваго управленія (Urząd skarbowy). Причемъ въ послѣднемъ случаѣ долженъ быть представленъ документъ или его копія, причемъ оффиціальное погашеніе марокъ не будетъ имѣть мѣста, если документъ будетъ представленъ съ незаполненнымъ текстомъ, съ одними только подписями или съ пустыми мѣстами въ текстѣ.

Въ случаѣ погашенія гербовыхъ марокъ самимъ плательщикомъ, таковое можетъ имѣть мѣсто въ случаѣ, когда плательщикъ единолично погашаетъ марки, путемъ погашенія первой или послѣдней строки акта черезъ гербовыя марки. Если обязательство двухстороннее, то марки могутъ быть погашены путемъ погашенія подписей обоихъ контрагентовъ на маркахъ. *Эти правила никакому иному толкованію не подлежатъ и марки погашенныя инымъ способомъ никакого значенія въ смыслѣ оплаты актовъ гербовымъ сборомъ не имѣютъ.* Иной способъ погашенія марокъ точно указанъ въ законѣ и относится къ спеціальнымъ случаямъ: какъ то, счетамъ на продажу движимости, перевозочнымъ документамъ, довѣренностямъ и нѣкоторымъ инымъ (Ст. 23 и 24 Устава и 33 — 37 Испол. пр.).

Ст. ст. 27—31 устава посвящены опредѣленію обязанностей нотаріусовъ и судебныхъ установленій по вопросамъ наблюденія за взысканіемъ гербоваго сбора.

Въ случаѣ заключенія договоровъ съ правительственными мѣстами безъ участія нотаріуса, исчисленіе гербового сбора производится правительственнымъ мѣстомъ, которое слѣдитъ за уплатой сбора и таковую производитъ за счетъ контрагента изъ слѣдуемыхъ ему платежей (Ст. 32).

Органы финансоваго управленія (Urzędy skarbowe) опредѣляютъ размѣръ гербоваго сбора въ случаѣ представленія акта съ цѣлью погашенія гербовыхъ марокъ или съ цѣлью оплаты гербоваго сбора наличными деньгами, и въ случаѣ обнаруженія неплатежа гербоваго сбора въ путяхъ надзора. Исчисленіе гербоваго сбора на основаніи судебнаго опредѣленія или въ порядкѣ надзора влечетъ за собой посылку требованія о платежѣ гербоваго сбора. Срокъ на уплату трехнедѣльный, взысканіе производится въ порядкѣ взысканія прямыхъ налоговъ и жалоба взысканія не пріостанавливаетъ (Ст. 34).

Требованіе гербоваго сбора дѣйствительно въ теченіе *пяти лѣтъ* со дня срока уплаты. Во время исполненія договора давность не течетъ. Дѣйствіе давности прерывается какимъ либо дѣйствіемъ или обращеніемъ органовъ власти къ плательщику по поводу уплаты гербоваго сбора. Со дня таковаго обращенія течетъ новая давность (Ст. 34).

Правила о надзорѣ.

Всякое правительственное или судебное мѣсто, которое усмотритъ изъ представленнаго ему документа, что гербовый сборъ не уплоченъ или уплоченъ въ ненадлежащемъ размѣрѣ,—увѣдомляетъ объ этомъ органъ финансоваго управленія (Urząd skarbowy). Объ этомъ извѣщаютъ и въ томъ случаѣ, когда представлена копія, второй экземпляръ или переводъ, если не установлено, что оригиналъ оплаченъ гербовымъ сборомъ. Въ случаѣ спора между плательщикомъ и органомъ финансоваго управленія при представленіи акта для измѣненія размѣра гербоваго сбора, плательщикъ вноситъ сумму имъ опредѣленную, на самомъ же актѣ указывается сумма подлежащая взысканію. Невнесеніе указанной суммы въ установленный срокъ влечетъ за собою обычныя послѣдствія при неуплатѣ гербоваго сбора (Ст. 35—37).

Органы финансовой власти имѣютъ право въ цѣляхъ надзора за правильной уплатой гербоваго сбора осматривать дѣла и книги нотаріусовъ, судовъ, правительственныхъ учрежденій и органовъ самоуправленія. Въ числѣ документовъ не подлежашихъ отмотру значатся духовныя завѣщанія до ихъ исполненія. Также подлежатъ осмотру дѣла и книги предпріятій, уплачивающихъ промысловый налогъ. Власти имѣютъ право изымать для пріобщенія къ своему производству такіе документы, обнаруженные при ревизіи, въ отношеніи коихъ возникаетъ сомнѣніе, что при ихъ совершеніи использованы подложныя или бывшія въ употребленіи гербовыя марки или гербовая бумага. Запрещается забирать документы данные нотаріусамъ на сохраненіе, находящіеся въ нотаріальныхъ архивахъ или въ сборникѣ документовъ при ипотечныхъ книгахъ (Ст. 38).

Нарушенія правилъ о гербовомъ сборѣ.

Лица, виновныя въ продажѣ гербовыхъ марокъ или гербовой бумаги по цѣнѣ выше номинальной, подвергаются денежной пенѣ до 100 злотыхъ. Наказаніе опредѣляетъ органъ финансоваго управленія (Urząd skarbowy).

Лицо, которое по небрежности составитъ актъ на фальшивой гербовой бумагѣ или поддѣланной въ цѣнѣ, или бывшей въ употребленіи или воспользуется подложными или бывшими въ употребленіи гербовыми марками съ цѣлью оплаты другого документа или предложитъ въ продажу указанную бумагу или марки, подлежитъ денежной пенѣ (karze pieniężnej) въ размѣрѣ 5—10 краткой стоимости незаконно использованной подложной или бывшей въ употребленіи гербовой бумаги или марки. Кару налагаетъ органъ финансоваго управленія. Лица виновныя въ умышленномъ пользованіи подложными или бывшими въ употребленіи марками или гербовой бумагой кромѣ денежной пени подвергаются аресту до шести мѣсяцевъ, если за содѣянное не положено по уголовнымъ законамъ высшее наказаніе. Приговоры постанавливаетъ окружный судъ.

Лица, ихъ замѣстители и повѣренные, обязанные производить оплату гербовымъ сборомъ, за сообщеніе свѣдѣній, не соотвѣтствующихъ дѣйствительности, въ зависимости отъ коихъ таковыя были освобождены отъ уплаты гербоваго сбора и признаны произвести уплату въ меньшемъ размѣрѣ, подвергаются денежной пенѣ въ 15 краткомъ размѣрѣ неуплоченой или неправильно исчисленной суммы. Приговоръ постанавливаетъ окружный судъ.

Денежная пеня, присужденная на основаніи вышеуказанныхъ нарушеній, не освобождаетъ отъ уплаты недоплоченной части гербоваго сбора.

Денежный штрафъ, наложенный на основаніи вышеуказанныхъ правилъ, можетъ быть судомъ замѣненъ лишеніемъ свободы на срокъ однако не выше шести мѣсяцевъ. Это не освобождаетъ отъ уплаты гербоваго сбора.

Лица обязанныя къ платежу гербоваго сбора и таковаго не уплатившія помимо вышеуказанныхъ случаевъ, или уплатившіе не въ срокъ и не способомъ

*) См. „Воскресное Чтеніе" № 2.

въ уставѣ указанномъ, платятъ штрафъ (podwyżkę) въ размѣрѣ 5 краткой суммы неуплоченнаго сбора. Въ случаяхъ особо оговоренныхъ во второй части устава въ 25 краткомъ размѣрѣ. Случаи эти будутъ указаны при изложеніи второй части.

Казенная Палата (Izba Skarbowa), въ случаѣ жалобы, если убѣдится, что неплатежъ гербоваго сбора, или платежъ не въ срокъ и не подлежащимъ образомъ не имѣлъ въ виду уклоненія отъ платежа, можетъ уменьшить наложенный штрафъ.

Если два или нѣсколько лицъ совершили нарушеніе въ одномъ и томъ же случаѣ, то штрафъ опредѣляется въ одномъ размѣрѣ (напр. по двустороннему договору) и лица эти несутъ за уплату солидарную отвѣтственность. *Срокъ давности пятилѣтній.* Штрафъ не можетъ быть взысканъ въ случаѣ нарушенія срока платежа сбора указаннаго въ опредѣленіи суда или въ случаѣ разсрочки сбора, также и въ случаѣ если размѣръ сбора неправильно опредѣленъ казеннымъ управленіемъ. Взысканіе штрафа можетъ послѣдовать не иначе, какъ если постановленіе о таковомъ взысканіи вступитъ въ законную силу. Всякія иного рода нарушенія гербоваго устава подлежатъ денежной пенѣ отъ 5 до 300 злотыхъ. Срокъ давности пятилѣтній. Министру Финансовъ предоставляется право устанавливать награды за обнаруженіе нарушеній гербоваго устава.

Порядокъ обжалованія.

Платежи гербоваго сбора, сверхъ нормы произведенные, въ случаѣ сдѣланнаго о томъ заявленія въ теченіе года со дня платежа будутъ возвращены, если размѣръ гербоваго сбора былъ опредѣленъ плательщикомъ; если же неправильное исчисленіе было сдѣлано органомъ финансоваго управленія, то на это должна быть принесена жалоба въ мѣсячный срокъ.

Испорченныя или не надлежаще использованныя гербовая бумага или гербовыя марки подлежатъ замѣнѣ только въ слѣдующихъ случаяхъ: если ненаклеенныя марки склеились или обгорѣли, если марки наклеены на чистую бумагу, которая однако не можетъ быть использована для написанія акта; если марка наклеена на неподписанномъ документѣ, на удостовѣреніи правительственномъ, если на немъ обозначено, что оно не дѣйствительно, и на прошеніи, приготовленномъ, но не поданномъ въ правительственное учрежденіе. Марки разорванныя не замѣняются (Ст. 83 исп. прав.).

Въ ст. ст. 84—92 исполн. правилъ изложенъ порядокъ и способъ замѣны испорченныхъ векселей, а равно всѣ формальности, связанныя съ замѣной марокъ и векселей.

Въ случаѣ опредѣленія подлежащимъ органомъ финансоваго управленія размѣра гербоваго сбора, а равно штрафа, всякое лицо имѣетъ право въ мѣсячный срокъ со дня полученія требованія (nakaz platniczy) таковое обжаловать. Жалоба подается въ то учрежденіе, которое предъявило требованіе, и къ жалобѣ долженъ быть приложенъ документъ или его копія, если таковой не имѣется у органа финансоваго управленія, что служитъ основаніемъ исчисленія платежа.

Финансовыя учрежденія наложившія штрафъ въ случаѣ основательной жалобы могутъ таковую сами удовлетворить. Жалобы разсматриваются Казенными Палатами (Izba Skarbowa), а въ послѣдніи Министромъ Финансовъ, который можетъ предписать разсмотрѣть жалобу, если она принесена даже послѣ срока.

Лицу, на кое въ видѣ наказанія наложенъ денежный штрафъ (kara pieniężna), предоставляется право въ мѣсячный срокъ требовать передачи дѣла мировому судьѣ. Это право не касается штрафовъ, наложенныхъ за неправильное исчисленіе и неправильную уплату гербоваго сбора (podwyżka).

Часть особенная.

Сдѣлки касающіяся недвижимости (Ст. 52—64.)

Сборомъ въ размѣрѣ 4% стоимости недвижимости облагаются сдѣлки покупки и продажи недвижимости, равно перехода правъ на недвижимость путемъ публичной продажи, судебнаго опредѣленія, рѣшенія третейскаго суда или постановленія административной власти. Если недвижимость вносится въ видѣ капитала въ акціонерное предпріятіе, то такой переходъ оплачивается сборомъ въ 2%. Продажа идеальной (не выдѣленной) части общаго имущества, полученнаго безмезднымъ образомъ участнику въ томъ же имуществѣ сборомъ въ 0,5%. Переходъ собственности при парцеляціи по закону о земельной реформѣ—сборомъ въ 1%. Такимъ же сборомъ оплачивается продажа карликоваго хозяйства для нуждъ такого же хозяйства. Лицо, давшее на публичной продажѣ наивысшую цѣну, если пожелаетъ, чтобы актъ былъ совершенъ на имя третьяго лица, то такой дополнительный переходъ оплачивается сборомъ въ 0.2%, если объ этомъ заявлено въ теченіе трехъ недѣль послѣ аукціона. Договоры относительно будущей продажи (запродажные) сборомъ въ 0.2%.

Не подлежатъ оплатѣ акты на переходъ недвижимости по наслѣдству, кои освобождаются отъ наслѣдственной пошлины; акты связанные съ пріобрѣтеніемъ имѣній казной или Рольнымъ банкомъ на основаніи правилъ о земельной реформѣ; продажи, связанныя съ улучшеніемъ границъ земельныхъ участковъ, если такое улучшеніе требуетъ правительственнаго утвержденія, продажи связанныя съ застройкой городовъ. Продажа неоконченной постройки въ теченіе 8 лѣтъ со дня начала постройки и первая продажа оконченныхъ построекъ въ теченіе 8 лѣтъ со дня пользованія постройкой также свободна отъ гербоваго сбора.

Срокъ оплаты трехнедѣльный въ случаѣ перехода права собственности путемъ публичной продажи или судебнаго опредѣленія и шестинедѣльный со дня рѣшенія третейскаго суда, вошедшаго въ законную силу.

Ст. ст. 64—66 посвящены опредѣленію размѣра сбора съ нѣдръ земли.

Продажа и мѣна движимыхъ вещей (Ст. 66—71).

Гербовымъ сборомъ въ 1% оплачиваются договоры продажи движимости, ея замѣны, переуступки правъ, равно договоры поставки, продажа движимости съ аукціона, отдача вещи въ счетъ платежа долга. Исключается продажа лѣса на срубъ, если покупатель или продавецъ платятъ промысловый налогъ, такая продажа оплачивается сборомъ въ 0,2%. Маклерскія сдѣлки сборомъ въ 0,1%.

Не подлежатъ оплатѣ: продажа на общую сумму не свыше 20 злотыхъ, продажа предметовъ государственной монополіи, если покупатель или продавецъ концессіонеръ, продажа заграничныхъ монетъ, сдѣлки продажи не выходящія изъ круга дѣятельности лица, платящаго промысловый налогъ, передача правъ на сбереженія въ почтовыхъ сберегательныхъ кассахъ, продажа строительныхъ матеріаловъ, предусмотрѣнная закономъ о застройкѣ городовъ. Свободны отъ платежа также передаточныя надписи на векселяхъ, чекахъ, дорожныхъ документахъ (желѣзнодорожныя накладныя и коносаменты) и складочныхъ свидѣтель-